

ЛЮБОВЬ ИЗ ВСЕХ НАС ДЕЛАЕТ МОНСТРОВ

# И ПРИХОДИТ НОЧЬ

18+

ЭЛЛИСОН САФТ

Young Adult. Запретная магия Эллисон Сафт

Эллисон Сафт  
**И приходит ночь**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

## Сафт Э.

И приходит ночь / Э. Сафт — «Эксмо», 2021 — (Young Adult. Запретная магия Эллисон Сафт)

ISBN 978-5-04-193880-2

Бестселлер New York Times! Любовь и тайны в готическом поместье – в лучших традициях романов сестер Бронте. Романтическое фэнтези о любви, неподвластной ни обстоятельствам, ни ударам судьбы. От автора бестселлера «Особо дикая магия». Рен Сазерленд – лучшая целительница Королевской гвардии. Но одна ошибка едва не привела ее к гибели и стоила всего, что было ей дорого. Желая искупить вину, она отправляется в Колвик-Холл, где находится уединенное поместье эксцентричного аристократа. Он просит ее вылечить своего слугу от загадочной тяжелой болезни. Это мрачное место хранит множество тайн. Его гостям приходится соблюдать строгие правила: не выходить из своей комнаты после наступления темноты и ни в коем случае не покидать особняк без разрешения. Неожиданно Рен узнает, что ее пациент – не простой слуга, а Хэл Кавендиш, безжалостный убийца и заклятый враг королевства. Вскоре начинают происходить необъяснимые, леденящие кровь события, и Рен решает во что бы то ни стало разгадать секрет ужасной болезни Хэла. Для фанатов «Тени и кости» Ли Бардуго, «Волчицы и охотника» Авы Райд и «Магии шипов» Маргарет Роджерсон. «Сложный, тщательно прописанный и невероятно захватывающий роман. Это фэнтези – настоящая классика». – Кристина Линн Эрман, автор книги «Пожирающая Серость» «Фанаты Ли Бардуго и Мари Руткоски заждались такой истории любви в стиле Дарклинга». – School Library Journal

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-193880-2

© Сафт Э., 2021

© Эксмо, 2021

## Содержание

1	7
2	15
3	20
4	25
5	32
6	41
7	46
8	49
9	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

# Эллисон Сафт

## И приходит ночь

© Григорьева К., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

\* \* \*

*Всем девушкам, которых переполняют чувства*

# 1

Рен никогда не видела такого жуткого перелома лучевой кости.

Она прокручивала в голове тот момент снова и снова, и каждый раз он словно застывал перед глазами. Мальчик, отчаянно пытающийся убежать, карабкается по дереву. Он цепляется пальцами за ветку. *Хруст* ломающегося дерева. *Хруст* ломающейся кости. И затем самое ужасное: вспышка ее магии, желающей исцелить его, когда он закричал.

Рен опустилась на колени, наблюдая, как Уна привязывает мальчика к дереву, с которого он упал. Роща была окружена тяжелым, как туман, мраком, и тот свет, что просачивался сквозь ветви ольхи, бросал на землю желтоватые блики и поблескивал на осколке кости. Она торчала из запястья, как заноза, ожидающая, когда ее вытащат.

*«Волярное искривление, – подумала Рен. – Дорсальное смещение кости. И, без сомнения, сопутствующий перелом шиловидного отростка локтевой кости»*. Она с легкостью определила вид травмы и могла вылечить ее за считанные минуты.

– Не думай, что я не понимаю, о чем ты размышляешь. – Уна бросила цепь, и та с резким стуком ударилась о землю. Как всегда, она выглядела внушительно в черном военном мундире, строгие ряды пуговиц которого сверкали, как сталь. – Вражеские шпионы не заслуживают твоей жалости.

Может быть, и нет. Но они также не заслуживают и жестокого отношения. Рен подперла подбородок кулаками, стараясь выглядеть беззаботной, хотя ее желудок скрутило от чувства вины.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Разве? Тогда, наверное, мне всего лишь почудился твой затуманенный взгляд.

Рен напряглась, но ничего не ответила. Все утро Уна была раздражительной, а Рен слишком устала, чтобы вступать в спор, которого они обе явно не хотят. *«Еще один час»*, – напомнила она себе. Достаточно скоро остальная часть их подразделения прибудет с повозкой, и они потащат пленника в Нокейн для надлежащего допроса.

Уна схватила рюкзак мальчика и ушла с поляны. Она остановилась на краю утеса, ее силуэт будто прорезал дыру в небе, покрасневшем от заката. Солнечный свет отражался в темноте ее глаз и подсвечивал каждую встревоженную морщинку на лице.

Рен вздохнула, ее дыхание образовало облачко пара в зимнем воздухе. Ее лучшая подруга всегда несла на плечах слишком большую ответственность. Как бы сильно ей сейчас ни хотелось придушить Уну, она сочувствовала ей. Времена, подобные нынешним, требовали жестких мер.

За последние четыре месяца во время патрулирования границы Дану с Керносом и Весрией исчезло трое членов Королевской Гвардии, и королева Изабель поручила Уне разобраться в произошедшем. Точнее, когда каждая газетенка в городе опубликовала оскорбления в ее адрес, королева потребовала доказательств того, что именно ее злейшие враги – так называемые весрианские язычники – были ответственны за это. Хотя она заключила перемирие с Весрией уже год назад, ее подданные все еще были потрясены и озлоблены капитуляцией в многовековой священной войне. Теперь, когда хрупкий мир раскололся, королева не собиралась казаться беспомощной и послушной. Ни один выпад в ее сторону не останется безнаказанным.

Однако после трех недель поисков, жуткого мороза и бессонных ночей все, что Рен и Уна могли предложить Изабель, был этот мальчик, чьим преступлением была всего лишь попытка убежать от них. В чем он совершенно не преуспел.

Рен изучала ужасную дугу его предплечья, неестественное положение большого пальца. Воздух наполнился знакомым запахом старой крови: соленой воды, ржавчины и жженого

сахара. Магия бурлила внутри, стремилась исцелить его, но Рен знала, что Уна ни за что не позволит ей это сделать. Было до боли предсказуемо, как все дальше будет разворачиваться: эти моральные дебаты о том, правильно ли пытаться их пленника. Они знали друг друга слишком долго – уже пять лет, с тех пор как познакомились, будучи новобранцами в военной академии. Они вместе тренировались, вместе ели, вместе сражались на войне. И с тех пор...

Что ж, все стало сложнее.

Уна встретила с ней взглядом, ее коса лежала на плече, как струйка темной воды. Рен отвернулась прежде, чем смогла понять, что блеснуло в глазах командира.

Тем не менее все, что могла гарантировать Уна, – это медленная смерть их пленника от инфекции. Выигрышный аргумент по медицинским соображениям, если не по моральным. Ей просто нужно было тщательно продумать свои действия.

Собравшись с духом, Рен подобралась к Уне так близко, как только осмелилась, снег слегка хрустел под ногами. Отсюда она могла видеть тени голых деревьев, вьющиеся, как виноградные лозы, по запястьям Уны. Они резко контрастировали с ее охристой кожей. Уна поднесла потрепанный блокнот к свету и прижала страницы пальцами, чтобы ветер не переворачивал их.

Рен поплотнее запахнула плащ и уткнулась носом в меховой воротник. За эти несколько недель они редко бывали по-настоящему одни, и теперь, когда она загнала Уну в угол, она едва знала, что сказать. В конце концов она остановилась на том, что казалось наиболее честным.

– Ты в порядке?

Уна захлопнула блокнот.

– Почему спрашиваешь?

– Разрешить говорить не по уставу? – сухо спросила Рен. Когда Уна бросила на нее раздраженный взгляд, она продолжила: – О, я не знаю. Просто догадка, учитывая, что ты весь день была резкой и угрюмой, а теперь решила, что тебе плевать на ребенка...

– Ребенка, – фыркнула Уна. – Ты слишком мягкая. Ему почти столько же, сколько было нам, когда нас призвали.

– Как бы то ни было, у него разовьется заражение крови.

Солнечный свет отразился в сабле на бедре Уны, и на одно ужасное мгновение рукоять показалась влажной от крови.

– Ладно. Может быть, это развяжет ему язык.

Рен рассмеялась над тем, насколько невыносимо типичной была Уна.

– Забудь о мальчике. Сейчас я беспокоюсь не о нем. Я волнуюсь о тебе. Я хотела проверить твоё состояние, потому что знаю, насколько... сложной оказалась миссия.

– Прошло много времени. Я просто хочу поскорее покончить с этим.

Избегание. Самый эффективный инструмент в арсенале Уны Драйден, позволяющий держать всех на тщательно отмеренном расстоянии. Рен хотела напомнить ей, что сейчас они здесь только вдвоем, но даже сдвинуть гору оказалось бы проще. Каждый из них справлялся с горем по-своему, и Рен признавала это – во всяком случае, пока.

Потому что, если быть честной, она не знала, сможет ли сама вынести разговор об этом. Она не была готова признать, что ей есть о чем горевать.

В прошлом месяце пропал сержант Джейкоб Байерс – ее единственный друг помимо Уны. Они спорили из-за обычных вещей: чья очередь покупать ужин, когда они задерживались на работе допоздна, или кто из них подаст документы Уне. А на следующий день он ушел на патрулирование границы с Весрией и Керносом. Благодаря мирному договору предполагалось, что эти миссии были всего лишь формальностью. Он должен был вернуться через неделю.

Но он так и не вернулся.

В самые мрачные моменты Рен жалела, что ее не было с ним. Может быть, тогда вместо него пропала бы она. Может быть, если бы она что-нибудь увидела – клочок его униформы или

нож, забытый в снегу, – она смогла бы оплакать его должным образом. Но она отказывалась верить, что он умер. Пока она не получит ответы, она не сможет попрощаться с ним.

Этот заключенный – этот мальчик – не может ничего сделать, чтобы унять ее боль. С руками и ногами как у жеребенка и сопливым носом, он не выглядел способным даже на мелкую кражу, не говоря уже о похищении.

– А ты в порядке? – спросила Уна, отвлекая ее от размышлений.

«Нет», – хотела ответить Рен, но вместо этого сказала:

– Да.

– В самом деле? – протянула Уна. – Всего минуту назад ты выглядела так, словно хотела задушить меня этими цепями.

– И с какой стати мне это делать? Ты же всегда невероятно любезна.

Уна залилась лающим смехом.

– Теперь я знаю, что у тебя есть план действий. Выкладывай.

Рен подумывала сменить тему: в последние дни так редко можно было добиться улыбки от Уны. Но она должна была обеспечить безопасность мальчика, прежде чем позволить себе расслабиться.

– Позволь мне вылечить его руку. Иначе тебе придется допрашивать труп. У него разовьется некроз еще до того, как мы доберемся до Нокейна.

Сначала Уна никак не отреагировала. Она замерла, и Рен начало казаться, что та не услышала ни одного слова. Но затем Уна молча протянула ей блокнот.

Рен с опаской взялась за край.

– Что это?

– Посмотри сама.

Рен начала листать блокнот. Имена, описания внешности, написанные детскими каракулями, заполняли страницу за страницей. С ужасом она поняла, что знала всех этих людей. Жирные красные метки перечеркивали некоторые из них, но она не могла точно понять их смысл. Может быть, захваченные цели? Но нет – там было имя Байерса, без каких-либо пометок. Буквы стали сливаться из-за слез.

– Что это? – повторила она вопрос, не в силах скрыть нарастающий страх в голосе.

– Список всех солдат, патрулирующих эту часть границы за последний год. Я нашла это в его сумке. Похоже, он записывал потенциальных жертв.

Праведный протест пеплом рассыпался у нее во рту. Ее бросило в дрожь, когда она увидела очертания собственного имени. Решающим ударом стало имя Уны. Нет, этого не может быть.

– Все еще считаешь его невинным ребенком? – спросила Уна.

Прошипев сквозь зубы, Рен вернула ей блокнот. Мурашки от этих проклятых страниц все еще оставались на кончиках пальцев.

– Не важно, что я думаю. Важно, что он ранен.

– Напротив, очень важно, что ты думаешь. Каждый раз, когда тебе в голову приходит подобная идея, все идет наперекосяк.

– Это не так.

– Тогда позволь напомнить, как ты настояла на том, чтобы остановиться и вылечить солдата во время марша на Донн.

Это было лишним. Тщательное наказание со стороны начальства, а затем и королевы, гарантировало, что она никогда не забудет эту ошибку.

– Или, может быть, тот раз, когда ты хотела спасти бездомную собаку, попавшую под перекрестный огонь?

Теперь Уна была несправедлива. Рен почувствовала, как краснеет.

– Сейчас все по-другому.

– А вот и нет, – отрезала Уна. – Во всяком случае, ты болезненно предсказуема. Ты слишком легко отвлекаешься на чувства и весьма опрометчива. Мне нужно, чтобы ты была рядом, Рен, а королева уволит тебя за еще одно преступление. Его страдания – небольшая цена, которую нужно заплатить, особенно если он приложил руку к поимке Байерса. Он червяк, недостойный твоей жалости. Успокойся.

Но Рен не могла. Она не станет этого делать.

– Она не посмеет. Кто заменит меня?

Уна выглядела так, словно хотела что-то сказать, но сдержалась.

– У нее больше нет такого целителя, как я. Сколько жизней спас разработанный мной антибиотик? Сколько операций я помогла провести на поле битвы?

– Талант нетрудно найти. Все достижения медицины в мире не смогут вечно спасать тебя от нетерпения королевы.

– Зато спасет тот факт, что я лучший целитель в Гвардии.

Рен говорила себе это каждый день, но прямо сейчас она не была уверена, верит ли сама этим словам.

Изабель – или как ее незаконнорожденная племянница должна говорить? «*Ее величество*»? – до боли ясно дала понять, что еще одна ошибка приведет Рен обратно в Орден Девы. Она выросла в аббатстве, но оно не стало для нее домом. Там Рен была лишь изгнанницей: забытой, нежеланной, бесполезной.

Она никогда больше не хотела себя так чувствовать.

Медицина и магия помогли ей сбежать, но возвращение означало бы, что она действительно такая никчемная, какой ее считает королева. Поэтому она не могла позволить себе оплошать. Даже если их отношение к пленнику было жестоким. Даже если оно было неправильным.

– Лейтенант Сазерленд, – произнесла Уна. Такой дешевый трюк – ссылаться на звание в такое время. – Как твой командир, я несу за тебя ответственность. Твои ошибки – моя вина.

– О, давай обойдемся без этих речей.

– Довольно. – Праведность звенела в голосе Уны, как металл, а каждый слог был острым, как лезвие. – Пока сюда не придут остальные, я не дам мальчишке ни малейшей возможности сбежать. Я знаю, что ты считаешь меня жестокой, но он – наша единственная зацепка, чтобы найти Байерса.

Рен понимала это, но ее желудок все равно скручивало от чувства вины.

– Я собираюсь еще раз прочесать местность, так что не делай ничего безрассудного, пока меня не будет, – сказала Уна.

Слово «безрассудного» ударило Рен, как камешек в лоб. Она слышала его достаточно за эти годы, чтобы знать его истинное значение.

Эмоциональная. *Слабая*.

– Да, майор, – кисло пробормотала Рен.

Бросив последний хмурый взгляд на мальчика, Уна направилась к темному безмолвному лесу. Ее черные волосы развевались, как веревка палача, а хрупкие ветки хрустели под сапогами, как ломающиеся пальцы. Посмотрев ей вслед, Рен вздохнула с раздраженной тоской.

Хотя военная жизнь предлагала свободу от монастыря, клятва Рен Королевской Гвардии сама по себе мало что значила. Уна же всегда указывала ей цель. Несмотря на резкий характер, она заботилась о своей стране и своих подчиненных – о том, чтобы защитить их любой ценой. Следовать за ней – кредо, которое выбрала Рен, а не которое ей навязали.

*«Мне нужно, чтобы ты была рядом».*

И Рен будет рядом, даже если не всегда сможет переварить то, что повлечет за собой фраза «любой ценой». Она проклинала сочувствие, которое текло в крови, так же как и исцеляющая магия. Если бы только она могла избавиться от него, свести к чему-то излечимому, вроде болезни. Тогда все наверняка поняли бы, что ее место в Гвардии.

Рен рухнула на пожелтевшую подстилку из сосновых иголок и застонала от головной боли, расцветшей в висках от напряжения, и влажного холода земли, просачивающегося под юбки. Деревья над головой блестели нежной корочкой льда. Теперь, когда они остались одни, она украдкой взглянула на мальчика. Его веснушчатое лицо было бескровным, таким же болезненно-бледным, как и обнаженная кость, – и благородным, но неубедительно стойким. Даже на расстоянии дрожь плеч выдавала в нем того, кем он был, – испуганным ребенком, сдерживающим слезы.

*«Будь невозмутимой, – резко напомнила себе Рен. – Будь сильной».*

Она не дрогнет. Не перед весрианским шпионом.

Они находились так близко к весрианской границе... Вполне логично предположить, что именно они похитили солдат, пусть доказательств пока и не было. Хотя ни одна из сторон официально не нарушила перемирия, Рен знала, что это только вопрос времени. Она выросла рядом с войной, чувствовала, как она надвигается, словно буря на горизонте. И как только она начнется...

Данийцы жили по основным принципам Тринеиной Богини, Тройственному Закону: что бы с вами ни сделали, пусть это будет возвращено в трехкратном размере. Рен повидала достаточно за военную службу, чтобы знать, что произойдет дальше. Города будут гореть в огне. Множество людей погибнут. Кровь будет платой за кровь, пока она не прольется вся, до последней капли.

На этот раз ни одна из стран этого не переживет.

Сдавленный вскрик вырвал ее из мыслей и сжал предательское сердце. Она обязана была перестать обращать на это внимание, но из-за магии сопереживала мальчику и чувствовала пульсацию в его искаленной руке. Это причиняло сильную боль. Так было всегда.

*«Все так неправильно»*, – подумала она. Если она позволит мальчику страдать, пока они не приведут его к королеве, чтобы он ответил за свои преступления, насколько она будет лучше весрианцев?

Рюкзак Уны лежал рядом на припорошенной снегом траве, его передний карман был соблазнительно открыт.

*«Лучше попросить прощения, чем разрешения»*, – решила она.

Прежде чем передумать, она взяла ключ. В ее руках он казался оружием, отражающим солнечный свет, как нечто острое и смертоносное. Когда она приблизилась к мальчику, он посмотрел на нее с такой яростью, что у нее скрутило живот. Это был дикий и злобный взгляд – такой она видела только на передовой.

Ненависть.

– Не подходи ко мне, – прорычал он.

Его акцент заставил ее остановиться. Не весрианский. Он был ей совершенно не знаком. Хотя она никогда особо не прислушивалась, как говорят весрианцы. Их язык был далеким воспоминанием, его ритмы смутным эхом отдавались в кошмарах. Стряхнув наваждение, она сказала:

– Я не причиню тебе вреда. Я целительница.

Он прижался к дереву.

– Я тебе не верю.

– Ладно. – Рен нетерпеливо вздохнула, поставив медицинскую сумку на землю. Она искала в ней обезболивающее. – Как тебя зовут?

– Что бы ты ни собиралась сделать, давай. – Его голос надломился. – Я не боюсь смерти.

– Конечно нет. – Рен достала пузырек с маковой настойкой из сумки. – Но, возможно, тебе понадобится обезболивающее. Вправление руки может показаться хуже смерти, по крайней мере на минуту.

– Со мной все будет нормально.

Он все еще думал, что она причинит ему вред.

– Как хочешь. – В его пристальном взгляде Рен увидела Уну, жесткую и недоверчивую. Это наполнило ее нежностью. – Послушай. Не важно, виновен ты или нет, в любом случае неправильно оставлять тебя в таком состоянии. Так что будем делать?

В тишине она отмечала время звуком его напряженного неглубокого дыхания. Наконец мальчик зажмурился и отвернулся:

– Ладно. Сделай это.

Наконец-то хоть капля доверия. Она ухватила за нее.

Рен сняла наручники с поврежденного запястья и крепко схватила его. Когда она призвала магию, вторая сеть вен, *фола*, засверкала серебром. Сияние было похоже на лунный свет.

– Готов?

Мальчик кивнул. Он выглядел суровым и опустошенным в холодном мерцающем свете.

Рен ободряюще сжала его запястье – единственное средство, которое она могла предложить. Затем ее магия потекла в него, он всхлипнул от перестройки костей, быстрого деления клеток. Исцеление заняло несколько минут, под конец мальчик тяжело дышал и стал липким от пота. Он провел пальцами по неповрежденной коже и линии предплечья с благоговейно отвисшей челюстью, как будто Рен совершила чудо. Она просияла от удовлетворения. Ее исцеление было далеко не чудом – всего лишь биологическим феноменом. В любом случае она не была уверена, что когда-нибудь привыкнет к благодарности пациентов, к их широко раскрытым глазам.

– Спасибо.

– Пожалуйста. – В голове крутилась тысяча вопросов, но его доверие было хрупкой вещью, как позвоночник кролика. Оно легко сломается при нажатии. – Уверена, что ты не воин.

Мальчик фыркнул:

– Что ты знаешь?

– Думаю, ничего.

Через мгновение он заговорил едва слышно:

– Ты не поймешь. Там, откуда я родом, это единственный вариант. Семья больше не может меня защищать.

– Я понимаю. – Рен грустно улыбнулась, несмотря на усталость. Война сделала их всех сиротами.

Внезапно неуверенность начала покалывать кожу. Она не должна говорить с ним таким образом. Не имела права. Не важно, каким жалким он выглядел, баюкая руку, как сломанную куклу, он связан с исчезновением ее товарищей.

Он ее враг. Шпион. Весрианец.

Мальчик, должно быть, увидел ее мрачнейшее выражение лица.

– Пожалуйста. Клянусь, я ничего не знаю.

Ее магия все еще текла по его венам, создавая между ними связь. Все жизненные показатели выдавали его. Биение его сердца кричало: «*Лжец, лжец, лжец!*»

Прежде чем она смогла сказать еще хоть слово, он ударил ее кулаком в солнечное сплетение. Ее дыхание со свистом вырвалось из легких, и, когда темные пятна перед глазами исчезли, она увидела происходящее словно со стороны: мальчик, ищущий ключ в траве; ее тело, рванувшееся вперед, чтобы остановить его; осязаемый удар головы о дерево; звон цепей и холодный металл, сжимающийся вокруг ее запястья.

Он двигался слишком быстро для гражданского, и энергия, гудящая в ее костях, прошептала: «*Магия*». Мир раскололся, как клетка в митозе: два ключа выпали из раскрытых ладоней мальчиков в кровавую жижу. Шаг за шагом, покачиваясь, двое мальчиков попятнулись от нее.

– Прости, – прошептал он, а затем исчез.

Все закончилось в одно мгновение – быстрее, чем ее диафрагма смогла раскрыться.

Он использовал ее. И она позволила ему это.

С криком разочарования Рен потянула за цепь, пока она не натерла ее запястье до крови. Как бы она ни старалась, ключ был вне досягаемости. Ее желудок скрутило от знакомого страха, а дыхание стало слишком тяжелым, слишком громким.

Это не по-настоящему. Это *не могло* быть по-настоящему.

Она потеряла единственную зацепку. Ее единственный шанс узнать, что случилось с Байерсом. Ее единственный шанс убедиться, что никто больше не исчезнет. Королева убьет ее, если Уна не сделает это первой.

Нет, смерть была бы благословением. Она доказала, что королева оказалась права. Рен не заслужила ее одобрения, как и своего места в Гвардии, если позволила эмоциям сделать ее слабой, и доверчивой, и...

Безрассудной. Как и сказала Уна. Как всегда, она оказалась права.

Талант не защитит ее от королевы. Пока это кровоточащее сердце бьется внутри нее, она никогда не будет достаточно хороша.

– Возможно, мне стоит оставить тебя здесь.

Закрыв лицо рукой, Рен попыталась спрятаться от гнева Уны. Другая ее рука свободно свисала за спиной, все еще прикованная цепью к дереву. Когда она взвесила варианты, смерть здесь показалась гораздо предпочтительнее, чем встреча с Изабель. И то и другое обещало медленную мучительную кончину, но, по крайней мере, если бы она осталась здесь, то сошла бы в могилу с почти нетронутой гордостью.

– Так будет лучше, – согласилась Рен.

Уна раздраженно зарычала и подобрала с земли брошенный ключ. На одно мучительное мгновение Рен испуганно подумала, что Уна швырнет его в лес. К счастью, она сняла с нее кандалы, но крепко сжала запястье Рен в кулаке. Ее пульс бешено колотился под кожаными перчатками Уны.

– Я просила тебя ничего не делать, пока меня нет. О чем ты думала?

– Я не думала. Он страдал.

Уна напряженно вздохнула.

– Твое сострадание совершенно неуместно. Однажды тебя убьют из-за него.

– Может, и так! – огрызнулась Рен. – Но я целительница. Я не хочу играть в Богиню и выбирать, кому жить, а кому умереть.

– Для этого слишком поздно. Если пропадет еще кто-нибудь...

– Я *знаю*. – Рен не смогла скрыть дрожь в голосе. Из-за ее бессмысленного сострадания их единственная зацепка ускользнула. Они не приблизились к Байерсу, а если бы кто-то еще пропал – если бы *Уна* пропала, – это тоже было бы на ее совести. – Я знаю, – на этот раз мягче повторила она. – Мне жаль.

Ссориться с Уной всегда больно. После стольких лет они были слишком хорошо знакомы с ранами друг друга: как их вскрыть, куда втереть соль, как снова зашить. Даже сейчас Рен любила ее. Трудно было не думать о ней, учитывая звездный свет, запутавшийся в черных волосах Уны, и вес целой нации на широких распряженных плечах.

Особенно когда она смотрела на нее *вот так*: ярость, изнеможение и облегчение отражались в янтаре ее глаз. Хватка Уны на запястье ослабла и теперь больше походила на успокаивающее прикосновение.

– Как он сбежал? – осмелилась спросить Рен.

Какую бы нежность ни проявила Уна раньше, она скрылась за хмурым взглядом.

– У него было преимущество.

– Что ты имеешь в виду?

– Когда я увидела, что он убегает, я не колебалась. Сразу помчалась сюда.

Это было так непохоже на Уну.

– Почему?

– Потому что. – Сколько разочарования было в этих двух словах. – Я думала, с тобой что-то случилось.

– Ты хочешь сказать, что беспокоилась обо мне?

Уна поморщилась:

– Не испытывай удачу.

Рен жаждала услышать признание, но Уна никогда не будет такой простой, такой уязвимой. Она не всегда была суровой, но война научила ее не обнажать душу. Однако выбрав спасение Рен, а не поимку преступника, Уна оказалась близка к этому. Как бы она ни протестовала, даже Уна не была невосприимчива к страху. Рен наблюдала, как после исчезновения Байерса в глазах Уны собирается буря, темная и меланхоличная. С тех пор она так и не прояснилась. Рен знала, что его исчезновение ранило ее, но только теперь поняла, что это сделало Уну мягче, чем она могла себе позволить.

– Ты знаешь, это не твоя вина, – мягко произнесла Рен.

– Я была его командиром. – Уна выдавила тонкую холодную улыбку. – Конечно это моя вина.

– Пожалуйста, не говори так.

– Это правда. Его жизни – все ваши жизни – доверены мне. Я прошу вас всех рисковать своими жизнями ради меня каждый раз, когда мы покидаем город. Каким бы я была лидером, если бы не была обязана тебе тем же?

– Ты не должна просить. Я бы сделала это в любом случае.

– Хорошо. – Уна поджала губы. – Тогда в следующий раз не заставляй меня отдавать тебе приказы.

– Да, майор, – пробормотала Рен.

Она сглотнула прилив вины. Для Уны эта миссия заключалась не только в том, чтобы добиться справедливости или угодить королеве. Для нее это было искуплением. Рен хотела протянуть к ней руку, но в итоге просто продолжила неподвижно стоять, как будто любое резкое движение могло разрушить временное перемирие между ними.

Постепенно лицо Уны стало серьезным, и на его месте снова появилась привычная маска, суровая и бесстрастная.

– Мне нужно будет подготовить отчет для королевы сегодня вечером.

Рен хотела оплакать упущенный момент, но болезненное напоминание о королеве лишило ее всяких эмоций, кроме страха. Она собрала пригоршню травы и скрутила ее, отчаянно пытаясь хоть чем-то занять руки.

– Ты не можешь.

– Я должна. Мой долг королеве превышает все.

– Но что произойдет с нами, если она обо всем узнает? Что будет с твоим продвижением?

Уна уже несколько месяцев добивалась повышения до подполковника. Подобная ошибка дорого обойдется им обоим. Уне может грозить понижение в звании, а Рен, возможно, полностью лишится своего.

В багрово-синем свете сумерек выражение лица Уны было непроницаемым.

– Я не знаю.

Они сидели в тишине и смотрели, как солнце превращается в сверкающую оранжевую ленту за горами. В такую ночь, как эта, даже тепло Уны рядом не утешало Рен.

## 2

Пока они ждали встречи с королевой, нервы Рен напряглись, а сердце стучало в такт *тиканью* часов. С отвесных каменных стен Северной Башни свисали сотни часов. Резные и расписные часы с кукушкой, часы на стеклянной мозаике, часы с качающимися маятниками и часы с вращающимися шестернями, часы в стеклянных корпусах и часы из металла. Слишком много часов, чтобы человек мог оставаться в здравом уме. Говорили, что Изабель поручила слугам окружить себя вещами, которые не сбиваются с ритма, вещами, которые легко исправлялись в отличие от государств.

Зал в Северной Башне был пуст, если не считать Рен и Уну. Ребристые своды обрамляли потолок, как корсет, а над ними возвышались витражные панели, заключенные в свинцовые рамы. Рен ненавидела это место. Его гулкая необъятность, пыль, кружащаяся в рассеянном свете и выглядящая как призраки в самых темных уголках. В зале не было ничего, кроме книг, икон и удушающего мрака присутствия ее тети. Единственным ярким и живым существом здесь была Уна, освещенная разноцветным солнечным светом, струившимся сквозь стекло.

В любой другой день у Рен могло бы перехватить дыхание от того, как легко здесь можно увековечить память Уны, еще одной королевы-воительницы, из витражного стекла. Красивой и свирепой. Но сегодня эта мысль наполнила ее страхом, а не трепетом. Она могла думать только о том, что Уна была *частью* этого места, а она нет.

– Ты пялишься, – заметила Уна.

– Просто думала, есть ли у тебя какой-то грандиозный план, как вытащить нас обеих из этой ситуации невредимыми. – Ее слова прозвучали с большей надеждой и жалостью, чем Рен хотелось.

Взгляд Уны, которым она одарила ее, был твердым, как камень.

– Я попробую.

Хотя слово *«попробую»* было совсем не обнадеживающим, о большем Рен не могла попросить.

Какофония звуков разорвала тишину, когда все часы пробили десять. Когда звон самых больших часов эхом разнесся по коридору и завибрировал в черепе Рен, на пороге лестничной клетки материализовалась служанка Изабель.

– Ее величество готова принять вас.

Они последовали за кружевным шлейфом юбки служанки вверх по винтовой лестнице и вошли в каменный холл. В одном конце маячили массивные двери с вырезанной королевской печатью: полная луна в обрамлении растущего и убывающего полумесяца. Одного этого символа было достаточно, чтобы сердце Рен пропустило удар.

*«Дыши, – напомнила себе она, сжав руки, чтобы разогнать кровь по онемевшим пальцам. – Дыши».*

Она все еще не собралась с духом, когда Уна распахнула дверь в кабинет королевы. Холодный воздух ворвался в холл и тяжело опустился на плечи Рен. Пятью неуверенными шагами она пересекла коридор и вошла в комнату, где за письменным столом из красного дерева сидела королева средних лет. Строгая и властная, как вырезанная из камня икона, Изабель не соизволила поднять голову, когда Рен заняла место рядом с Уной.

Рен никогда не переставала поражаться красоте королевы, слишком резкой, чтобы смотреть прямо на нее. Никто бы не догадался, что они родственники, и это вполне устраивало Изабель. Королевская кровь Рен была эффективно разбавлена генами ее отца в виде каштановых волос и карих глаз. В то время как Изабель была истинной Сазерленд: бледная кожа, волосы цвета летнего вина, глаза, сверкающие, как кварц. Миф гласил, что кровь данийских королев

текла в их вены прямо из вен Богини. Рен верила в это. Столь же прекрасная и сдержанная, как луна, Изабель не могла быть ничем иным, кроме как Богиней, ставшей смертной.

Она читала блокнот, который Уна забрала у мальчика. Во время возвращения в Нокейн Рен так много раз размышляла над ним, постоянно думала о Байерсе. Это делало его отсутствие – и ее ошибку – более реальным. Она не могла потерять кого-то еще. И Дану не мог позволить себе потерять еще больше солдат. В последние годы войны вооруженные силы были практически уничтожены. Остались только самые зеленые, самые молодые новобранцы – и такие, как Уна, которые в восемнадцать лет уже были героями войны.

Если разразится новая война, что произойдет с остальными?

Изабель изучала имена, как будто с каждым из них было что-то не так, чтобы добавить их к ее тщательно подсчитанной шкале. Королева правила холодным, безличным порядком, бесконечным потоком бумаг, отчетов и писанных законов. После того как она подписала перемирие, она закрыла королевский дворец и уединилась в Северной Башне. Она возвышалась над смогом и нищетой Нокейна – над жизнями людей, которым поклялась служить. Ее противники называли ее Бумажной королевой, слишком озлобленной, чтобы иметь дело с кем-либо кроме как в письменной форме.

Для страны Изабель была своего рода посмешищем. Ошибкой. В конце концов, это было неотъемлемое право данийских королей – вернуть землю, украденную Весрией.

Триста лет назад весрианские захватчики, окутанные черным дымом и несущие знамя своего бога смерти, ворвались на земли около реки Мури. Этот народ, стремясь угодить богу, построил империю на завоеваниях. Во время смены фазы луны они захватили Дану. Разрушили храмы Богини, выгнали королевскую семью из дворца. Оккупация продолжалась почти десять лет, а потом королева Мэйв собрала армию и прогнала весрианцев обратно за горы.

*«Что бы с вами ни сделали, – провозгласила она по указу самой Богини, – пусть это будет возвращено трижды».* Кровь за кровь, скорбь за скорбь. Она сожгла все весрианские святыни. Запретила их язык. Заставила всех в пределах недавно установленных границ Дану принять ее веру или подвергнуться казни.

Хотя с тех пор война то и дело опустошала их народы, Весрия все еще занимала четверть того, что когда-то было землями Дану. Парламент, опасаясь за истощающуюся казну страны и снижение рождаемости, вынудил Изабель выступить посредником в заключении перемирия в прошлом году. Но народные настроения утверждали, что она была слабой королевой, готовой бросить свою землю и изгнать поколения дану-весрианцев, которые заслуживали возвращения домой. Если это уберезет от того, чтобы ее запомнили как неудачницу, Изабель никогда не успокоится, пока не совершит тройную месть.

– Рен, – сухо поздоровалась Изабель, а затем мягко добавила: – Уна.

Сколько раз Рен мечтала услышать от Изабель такую же интонацию в свой адрес? Теперь она уже машинально проглатывала зависть. Что бы она ни сделала, это не заслужило бы привязанности тети. Изабель любила Уну за преданность и безжалостность примерно так же сильно, как ненавидела Рен за то, что она была клеймом на линии Сазерлендов. Когда-то Рен мечтала увидеть в ней мать, которой у нее никогда не было. Но она больше не была такой наивной. Теперь одобрение Изабель имело значение только в той мере, в какой оно гарантировало безопасность ее положения.

Это не означало, что непринятие все еще не причиняло боли.

– Значит, вы позволили мальчишке сбежать. – Голос Изабель был дрожащим и мягким, как перезвон ветра. Рен пришлось наклониться вперед, чтобы расслышать каждое слово.

Уна приложила кулак к сердцу в мрачном приветствии.

– Это была моя вина, ваше величество. Я недооценила нашу цель.

Рен сохраняла невозмутимое выражение лица, даже когда ее колени угрожали подогнуться. Уна действительно сказала, что попытается помочь, но лжи от нее она не ожидала. Рен

попыталась поймать взгляд Уны, но та превратилась в неподвижное воплощение покорности, даже несмотря на то что ее челюсть была вызывающе сжата.

– Итак, вы внесли правку в свой отчет. Как странно, что он снял наручники, вывел из строя двух моих бойцов и избежал захвата, и все это со сломанной рукой.

– Как я и сказала. Я просчиталась.

– Я никогда не видела, чтобы вы ошиблись в расчетах, когда дело доходит до такой легкой цели. Кроме того, ваша репутация опережает вас. Ваши люди уважают вас за приверженность справедливости. И *правде*. – Изабель одарила ее ледяным взглядом. – Где же они ошиблись? Вы лжете или некомпетентны?

Уна сжала руки в кулаки – единственный видимый признак ее гнева.

– Признаюсь, я больше, чем кто-либо другой, потрясена, узнав, что тоже допускаю ошибки.

– Я рискнула, позволив вам подняться так высоко в юном возрасте. Похоже, я тоже допустила ошибку.

Уна вздрогнула. Первая трещина в ее решимости.

– Будет обидно понизить вас в звании, поскольку в остальном вы подавали такие надежды, – продолжила давить Изабель. – Вы уверены, что не перепутали детали?

– Я...

– Я сняла с него оковы, ваше величество, – вмешалась Рен. – Я исцелила его.

Со смесью облегчения и раздражения Уна резко выдохнула. Несмотря на охвативший ее ужас, Рен не сожалела о своем вмешательстве. Это правда, что она не могла позволить себе еще одну ошибку. Но она также не могла позволить Уне пожертвовать своей карьерой.

Взгляд Изабель упал на Рен, как гильотина.

– Почему?

– Потому что так было правильно.

– Понятно. – Изабель открыла ящик стола и пробежала пальцами по перистым верхушкам папок. Леденящее спокойствие ее голоса делало ожидание невыносимым. – Ты должна радоваться, что Богиня благословила тебя и наделила таким сильным даром.

Иногда Рен могла убедить себя, что в голосе тети слышалась зависть, когда она говорила о магии. Сегодня она сосредоточилась только на том, чтобы подавить гнев и свое мнение. Богиня не имела никакого отношения к ее мастерству. В отличие от жестокого режима матери Элоизы...

– Спасибо, ваше величество. Я в самом деле этому рада.

Изабель бросила папку на стол и начала читать:

– Постоянные проявления импульсивности и неуважения на уроках. Религиозный скептицизм, неподходящий для того, кто воспитан Орденом Девы. Надеюсь, мне не нужно напоминать о том, что случилось в последний раз, когда твоя жалость была неуместна. Это будет твой третий проступок.

– Этого больше не повторится.

– Боюсь, я больше не верю в это. – Изабель прищурила глаза. – Эти похищения являются очевидной провокацией войны, и у нас нет союзников. Когда я собираю силы, чтобы нанести ответный удар, мне нужна Гвардия в лучшем виде. Ты всего лишь обуза. Ты потеряла ценную информацию и подвергла опасности жизни людей. Может, в тебе и течет кровь моей сестры, но ты в очередной раз доказала, что недостойна ее.

Гнев затуманил разум Рен. «*Доказала, что недостойна*». Она ничего не доказывала, Изабель считала ее ничтожной с самого рождения. Вскоре после смерти матери Рен королева сослала ее в аббатство. Монарх, унаследовавший проигранную войну, в конце концов, не мог проявить ни терпения, ни жалости к сироте, путающейся под ногами. Отстраненная от двора и исключенная из линии наследования, Рен очень хорошо знала, что, как бы сильно она ни

жаждала признания, как бы сильно ни старалась и что бы ни делала, она не сможет стереть это пятно.

– Недостойна? А как насчет остальной части моего досье? – спросила Рен. – Уверена, там задокументировано больше достижений, чем проступков. Сколько еще у вас хирургов? Любой слабый медик может быть компетентным целителем, но если у него нет других навыков...

Уна придержала ее за руку – четкая команда остановиться.

– Прошу простить ее дерзость, ваше величество. Лейтенант Сазерленд находится под моим непосредственным командованием. Я несу полную ответственность за ее действия. Любое наказание должно быть в такой же степени моим, как и ее.

– Что ж, хорошо, майор. Теперь я вижу, что Рен плохо влияет на вас. Поскольку привязанность к ней отвлекает вас от обязанностей, я отстраню ее от вашего командования. Рен отстранена от службы.

«Отстранена». Как легко одно слово может разбить сердце вдребезги.

– Что? – ахнула Рен.

– Мне казалось, я ясно изъясняюсь. Я не допущу, чтобы ты препятствовала расследованию. Ты отстранена до дальнейшего распоряжения.

Узел тревоги в животе натянулся и лопнул. В комнате внезапно стало слишком жарко, несправедливость была невыносимой. Рен хлопнула руками по столу королевы.

– Абсурд. – Изабель, поджав губы, безучастно смотрела на нее.

– Вы не можете наказать меня за правое дело. Жестокое обращение с заключенными – это не тот пример, который мы должны подавать всему миру.

Уна схватила Рен за плечо. Это было очередным предупреждением. «Успокойся, пока не стало хуже».

– Ваше величество, мы с Рен работали вместе с самого начала. Мне нужна она.

– У нас есть целители такой же квалификации, которые при этом не позволяют чувствам мешать исполнению приказов. Грядет война. Мне нужны те, кто будет помогать вам в бою. Даже одна ошибка может стоить вам жизни в битве с кем-то вроде Хэла Кавендиша.

*Хэл Кавендиш.* Жнец Весрия.

От его имени по спине Рен пробежала дрожь. В наступившей тишине она услышала, как Уна щелкает костяшками – единственный признак ее нервозности.

Каждые несколько поколений Весрия возвращала солдата, больше похожего на монстра, чем на человека, и Хэл Кавендиш был худшим из всех. Рен видела его только один раз, когда ей было пятнадцать и ее только отправили на службу. Ее воспоминания о войне часто рассыпались на разрозненные фрагменты, когда она тянулась к ним: лязг металла и взрывы выстрелов; тошнотворное притяжение ее магии ко всем раненым; то, как из-за дождя разлилась река и выплонула раздутые грязные трупы на берега.

Но она отлично запомнила Жнеца.

Во время битвы на реке Мури Рен спряталась в чаще, чтобы помочь раненой на поле боя женщине. И там, сквозь заросли тысячелистника и березы, она увидела его. Какой-то солдат бросился на Жнеца, его клинок был мокрым от крови и тускло блестел в лучах солнечного света. Затем, как будто каждый мускул в его теле свело, он замер с ножом всего в дюйме от горла Хэла. Конвульсии сотрясли его тело, и он умер еще до того, как рухнул на землю. Жнец даже не вздрогнул. Его взгляд убивал любого, кто встречался ему на пути.

Рен не была уверена, издала ли она хоть звук. Сдвинулась ли с места хоть на миллиметр. Однако в следующее мгновение Хэл повернулся к ней. Его *фала* все еще светилась серебром на висках, а глаза будто поглощали весь свет, такие же черные, как голодные вороны, которые парили над ним. Но что еще хуже – они были *пусты*. Безжалостны.

Большую часть ночей Рен все еще просыпалась в поту, задыхаясь. Ее сны были освещены бушующим огнем, зловоние горящей плоти покрывало кожу, а крики звенели в ушах. Чувствовал ли Хэл, убивший столько людей, тяжесть своих поступков?

Она не знала, что заставило его пощадить ее в тот день. Может быть, ей всего лишь показалось, что он обратил на нее внимание. Может быть, кто-то окликнул его. Все, что она знала наверняка, – она никогда больше не хотела его видеть.

– Хэл Кавендиш все равно что мертв, если я с ним столкнусь, – отозвалась Уна. – Я принесу вам его голову на серебряном блюде.

– Нет. – Изабель вздернула подбородок, скрыв половину лица в тени. Хотя сегодня на ней не было короны, ее невозможно было ни с кем спутать. Королева-воительница, холодная и расчетливая. – В тот день, когда мы двинемся на Весрию, ты приведешь его мне живым. Его жизнь принадлежит мне, и я собираюсь устроить из этого представление.

– Это еще одна причина, по которой мне нужна Рен...

– Довольно, – отрезала Изабель. Часы продолжали противно *тикать*, пока она вновь не нарушила тишину. – Завтра вы отправитесь за мальчишкой. Без Рен. Это понятно?

– Да, – с горечью ответила Уна. – Понятно.

– А ты, Рен, вернешься в аббатство, пока я не решу, что с тобой делать.

– Нет. – Рен сжала руки в кулаки.

Разве она могла отсиживаться в стороне и наблюдать, как ее подруга идет навстречу опасности? Если Уна тоже исчезнет, Рен останется по-настоящему одна. Запертая в аббатстве, она снова превратится в маленькую напуганную девочку, нежеланную и забытую. Лишенную возможности хоть немного повлиять на то, как прожить жизнь. Неудачница.

– Пожалуйста, – прохрипела Рен. – Я не могу вернуться туда.

– Рен, – прошептала Уна резко, но при этом почти умоляюще.

– Поскольку ты освобождена от занимаемой должности, боюсь, у тебя нет особого выбора в этом вопросе.

Все маги так или иначе служат Богине. Как ее земной представитель, Изабель возглавляет и государство, и церковь и может распоряжаться подданными по своему усмотрению. Поскольку все маги подлежат обязательному призыву – мера предосторожности в этом раздираемом войной королевстве, – теперь она вынуждена нарушить закон. Будучи военным медиком в отставке, Рен проживет свои дни в преданности Богине, исцеляя простых людей. Уйти означало отказаться от магии.

Рен промолчала. Она словно разучилась говорить.

Гнев бурлил в животе, как корабль, брошенный в море. Кровь громко стучала в ушах. Она не смогла придумать ничего другого, кроме как повернуться на каблуках и побежать к двери. Зрение поплыло, и она провела тыльными сторонами ладоней под глазами, чтобы поймать любые слезы, которые осмелились пролиться. Она ненавидела плакать, когда злилась. Это была еще одна слабость, еще одна причина, по которой она не могла быть военным врачом, еще одна причина, по которой ее отстранили. Эмоции, слишком сильные, чтобы ими можно было управлять, каждый раз обрекали ее на гибель.

### 3

Прошло несколько часов после встречи с Изабель, когда в дверь постучали.

– Ты дома? – Уна прижалась лицом к окну, всматриваясь в темноту.

Сердце подскочило к горлу. Уна не приходила к Рен с тех пор, как... Нет, она не будет думать об этом. Они договорились никогда больше не обсуждать это.

Глубоко вздохнув, Рен встала и открыла дверь. Как только Уна вошла в комнату, Рен рухнула в кресло и натянула одеяло на голову. Почти сразу же она почувствовала рывок – затем съежилась, когда свет снова проник внутрь. Уна отодвинула край ее импровизированного кокона и скривила губы, как будто обнаружила внутри что-то сформировавшееся лишь наполовину.

– Пожалуйста, только не плачь, – попросила она. – Мне станет неловко.

– Я не буду плакать.

Уна отстегнула саблю и осторожно присела рядом на кресло. У нее никогда особо не получалось успокаивать других, но Рен была благодарна за попытку.

– Тогда, может, включишь свет, например? А то атмосфера гнетущая.

Рен застонала и снова закуталась в плед. Она решила игнорировать Уну, но затем осмотрела квартиру глазами подруги и поняла по крайней мере часть ее беспокойства. Рен всегда была на заданиях, или погружалась в исследования, разрабатывая новые способы использования *фолы*, чтобы усовершенствовать хирургические навыки, или изучала ядовитые растения, которые аптекарь припас для нее. Она так редко здесь находилась, что никогда не удосуживалась украсить это место. С потолка свисали сухие травы, перевязанные бечевкой: веточки лаванды, зазубренные пучки крапивы и оранжевой календулы. Под надломленным карнизом виднелись облупившиеся обои в цветочек, испачканные свечным дымом и забрызганные взорвавшимися остатками какой-то неудавшейся настойки.

Из широких окон, покрытых пылью, открывался вид на оживленную улицу, освещенную приглушенным светом фонарей. Со своего рабочего места Рен могла наблюдать, как женщина через улицу по утрам развешивает одежду для просушки на веревке, а ночью – как ассенизаторы<sup>1</sup> вытаскивают вонючие плетеные корзины из выгребных ям. Хотя она могла позволить себе многое на военное жалованье, у нее не было ничего, кроме неубранной кровати, придвинутой вплотную к железной плите, на которой стоял помятый чайник. Вся эта скудность делала беспорядок более резким, более жалким. Но ей хотя бы будет легко собрать вещи.

Уна вытащила нитку из потрепанного кресла. В нездоровом вечернем свете, пробивающемся сквозь жалюзи, Рен могла видеть трещины на ее маске и скрывающуюся под ней усталость.

– Я здесь не для того, чтобы заставить тебя чувствовать себя хуже. Я подумала, тебе захочется с кем-нибудь увидеться.

Это правда. Она всегда хотела встретиться с Уной, даже если это была своего рода попытка: снова видеть ее здесь, в этом кресле, дразня себя воспоминаниями, даже если прошлого не вернуть.

Рен прижала костяшки пальцев к глазам, чтобы унять жжение.

– Богиня небесная, Уна. Что ты делала? Ты могла потерять все. Ради чего ты так трудилась?

– Пожалуйста.

– *Зачем?*

---

<sup>1</sup> От англ. *soil men*; люди этой профессии собирали содержимое выгребных ям ночью и ночных горшков – рано утром, главным образом в XVIII–XIX веках. (*Прим. ред.*)

– Я ответственна за то, чтобы мои подчиненные были в безопасности и не попадали в беду. – Хотя выражение ее лица было таким же суровым, как и всегда, напряжение в голосе выдавало истинные чувства. Рен не нужно было давить, чтобы узнать, что Уна думала о Байере. – И я... о нет. Не делай этого.

– Прости. Не могу сдержаться. – Рен потеряла лицо, чтобы скрыть следы слез. Когда она снова подняла глаза, мир все еще был нечетким, затуманенным. – Я должна выплакать достаточно за нас обеих.

– Брось. У тебя хватает своих проблем, а я смогу справиться со своими.

– Я прекрасно это знаю. – Рен снова натянула одеяло на голову. – Я все еще не понимаю, что должна сделать, чтобы заставить ее уважать меня – или, по крайней мере, не *презирать*.

– Для начала ты могла бы попробовать выполнять приказы. – Уна на мгновение замолчала, выражение ее лица смягчилось. – Ты знаешь, что ничего не сможешь сделать. У королевы большие надежды, но она никогда не предполагала, что ты их оправдаешь.

Это было правдой. Когда Изабель сослала Рен в аббатство, она не ожидала, что та поступит к ней обратно. С ростом числа погибших на войне королевство нуждалось в каждом желающем и способном целителе, которого только можно было найти, молодым или старом. И Рен была более чем желающей. С тех пор королева использовала все возможные способы, чтобы сохранять дистанцию между ними. Рен так и не поняла, почему Изабель так сильно ее ненавидит. Да, она была незаконнорожденной, пятном на идеальной линии Сазерлендов, но у них не было другой семьи, кроме друг друга. Вместо того чтобы принять ее, Изабель скорее позволила бы какому-нибудь дальнему родственнику занять трон, когда она умрет, не родив наследника.

– Что мне теперь делать? – спросила Рен.

– Ты будешь терпеливо ждать, пока я не наведу порядок и не уговорю королеву восстановить тебя в должности.

– Я не могу быть терпеливой, *ничего* не делая.

– К счастью, ты не будешь ничего не делать. Исцеляющие дела, молитвы и общая тяжелая работа, насколько я помню. Я достаточно вытерпела твоих жалоб, чтобы знать это.

– Я не шучу, Уна.

– Как и я. – С этими словами она закинула ноги на подлокотник. – Это всего лишь временная отставка. Учитывая все обстоятельства, ты отделалась мягким наказанием. Ты должна быть благодарна.

– Да, технически оно мягкое, но она знала, что оно ранит меня сильнее всего. Беспомощность едва ли не хуже унижения. Я никогда не прощу себя, если тебя тоже похитят.

Уна вздрогнула.

– Меня не похитят.

– Откуда ты знаешь?

Уна сжала губы в тонкую полоску.

– Вот. А что буду делать в это время я? Довольствоваться часами созерцания Богини в ее бесконечной тайне? Или ждать твои письма, как какая-нибудь влюбленная домохозяйка? – По мере того как выражение лица Уны становилось все более мрачным и отстраненным, Рен сосредоточилась на единственной приводящей в бешенство вещи, находящейся под ее контролем. – Убери свои грязные ботинки с моего кресла.

– Оно *уже* грязное.

– Просто послушай меня! – рявкнула Рен. – Пожалуйста.

Уна медленно опустила ноги на пол и, сощурившись, посмотрела на Рен.

– Я слушаю.

– Прошло уже три недели с тех пор, как Байерс сидел на этом самом месте. Мы пили чай. Мы болтали. Мы попрощались. Все было так... привычно. – Она не могла стереть из

памяти последний образ Джейкоба Байерса: он небрежно махал через плечо, когда шел по посеребрянной луной мощеной улице перед ее квартирой. – Я не могу снова пройти через это, Уна. Особенно если речь идет о тебе. Я не уверена, что переживу это.

– Ты не можешь защитить меня. – Рука Уны пробежала по вложенному в ножны лезвию сабли. Филигрань ножен холодно поблескивала на свету. – Не важно, будешь ты там или нет.

– Это наименее обнадеживающая вещь, которую ты мне когда-либо говорила, а это кое-что да значит. – Уна совершенно не поняла смысла ее слов. Но как Рен могла заставить ее осознать что-то настолько иррациональное? Что, если она останется, мир может рухнуть. Внутри стен аббатства она не сможет собрать осколки.

– Единственное, что я могу тебе предложить, – это мое слово. Я вернусь к тебе. Я все исправлю.

– Твое слово. Что в нем хорошего?

– Это ты скажи мне.

Оно значило все. Однако его все равно было недостаточно.

Прежде чем Рен смогла ответить, Уна глубоко вздохнула, и на ее губах появилась печальная улыбка.

– Я же сказала тебе, что пришла сюда не для того, чтобы ты почувствовала себя хуже. Так что хватит говорить об этом.

– Хорошо, что я не заставляю тебя быть постоянно рядом, чтобы почувствовать себя лучше. – Рен толкнула Уну в колено своим. – Ладно, нам нужен чай.

– Это просьба?

– О, никогда! Ты моя гостя. Но если ты предлагаешь...

– Хорошо, – угрюмо согласилась она. – Я сделаю тебе чашечку. Черный? Почему ты смотришь на меня так, словно... а-а-а, слишком поздно для кофеина. Точно. Тогда ромашковый.

Уна двигалась по кухне так, будто она никогда не уходила. Спустя почти год она все еще точно знала, где Рен хранит чай – в алфавитном порядке, по научному названию, в стеклянных аптекарских банках над раковиной – и любимую глиняную кружку. Простая нежность, которую Уна проявила к ней, когда кипятила воду и отмеряла чайные листья, чуть не уничтожила Рен. Не помогало и то, что Уна не сняла регалии: каждый раз, когда она лезла в шкафы, медали на ее лацканах весело позвякивали.

Рен в самом деле была слишком мягкой. И как бы она ни старалась подавить чувства, она все еще восхищалась своим командиром. Самое глупое из ее чувств. Любые личные отношения между солдатом и командиром подвели бы их обеих под трибунал.

В прошлом году, когда чернила на договоре о перемирии еще не высохли, ночной Нокейн стал странным и туманным местом. Все бродили по улицам, как лунатики. В одну из таких ночей Уна появилась на пороге дома Рен, более свирепая и суровая, чем когда-либо в военной академии. Иногда Рен убеждала себя, что это был всего лишь сон: ее спина ударилась о дверь, лицо Уны рядом. Однако она все еще помнила привкус железа и древесного дыма и то, как неровный шрам на плече Уны ощущался под ее губами.

И она точно никогда не забудет то, как Уна посмотрела на нее следующим утром. Этот взгляд все еще преследовал ее. Полный сожаления – возможно, даже страха. Конечно, она была напугана – за подобную связь ее могли отстранить от службы. Кроме того, Уна Драйден не произносила слова «люблю» – с тех пор, как война забрала ее семью. Она вообще с тех пор не говорила о своих чувствах, поэтому Рен осталась со своими наедине.

*«Ошибка, – согласились они. – Искать утешения в неправильных местах».*

Этого больше никогда не произойдет.

Но иногда Рен все еще ловила пристальные взгляды Уны. Еще чаще она беспокоилась о той своей части, которая разъедала ее изнутри. Той части, которая не простила Уну, кото-

рая болела всякий раз, когда она встречала слухи о гражданских девушках, за которыми та ухаживала.

Уна протянула чашку чая, и Рен постаралась прогнать мрачное настроение сладким запахом ромашки.

– Спасибо. – Она вяло улыбнулась.

– Ты все еще выглядишь несчастной. Ты хочешь... поговорить об этом?

– Э-э-э, нет. Я думаю, ты вспыхнешь, если выплесну на тебя все свои чувства.

Уна приподняла бровь.

– Зато в таком случае эта дыра сгорит вместе со мной.

Рен толкнула ее.

– Заткнись. Я просто... – «Просто». Ни черта не просто. Ее горло сжалось. – Я скучаю по нему.

Это был первый раз, когда она озвучила это, и признание разрушило стену, которую она возвела вокруг своего горя. Воспоминания о Байерсе обрушились на нее, разрозненные и острые, как осколки упавшей вазы. Его невыносимое мурлыканье под нос во время работы. Эта противная мальчишеская ухмылка, которую он натягивал всякий раз, когда думал, что ведет себя по-умному. То, как его глаза светились гордостью, когда он говорил о своем брате. Рен хотела вернуть их еженедельные вечера в пабе. Она хотела послушать, как он болтает об искусстве составления букетов – семейном ремесле. Она хотела, чтобы он *вернулся*.

Уна внимательно смотрела на свой чай.

– Я тоже скучаю по нему.

Улыбка тронула уголок рта Рен.

– Помнишь тот раз, когда он опоздал на утреннюю тренировку?

Уна искренне и беззаботно рассмеялась. Этот теплый звук свернулся клубочком в груди Рен.

– Как такое забыть? Я все еще вижу, как лицо сержанта Хаффмана стало багровым, когда она увидела, что он пытается пролезть через окно.

Рен усмехнулась:

– Он был настоящей катастрофой.

– Вы *оба* катастрофа. Самая разношерстная компания, которую именно мне поручил военный штаб.

– Мы хотя бы милые?

– Не увлекайся, – проворчала Уна. – Вы катастрофа, и точка. Но вы *моя* катастрофа.

Ее. Как сильно Рен хотелось, чтобы это было правдой. Она хотела протянуть к ней руку – хотела переплести их пальцы так, как они делали это *раньше*.

Но Уна снова затихла, и в сгущающейся ночной темноте комната казалась слишком мрачной.

– Я постоянно думаю о том, что должна была сделать по-другому.

– Ты не могла поступить иначе. Ни в чем из этого нет твоей вины.

– Возможно, мы бы и не нашли его. Но я потеряла нашу единственную зацепку, я подвела его. – Уна слишком много на себя взвалила, слишком много. Больше всего на свете Рен хотела забрать часть этой ноши. Однако отчасти именно это делало Уну блестящим солдатом и командиром, достойным подражания. Ее непоколебимая преданность подчиненным. Ее чувство долга превыше всего остального.

– Не ты упустила мальчика, а я.

– Я могла отдать тебе приказ. Я могла пригрозить тебе. Я могла настоять на своем и принять наказание королевы. Но я ничего из этого не сделала. – Ее голос стал грубее, появилась морщинка между бровями. – Теперь она забрала моего целителя.

– Она бы этого не сделала, если бы ты вообще не включила происшествие в отчет. – Слова невольно вырвались изо рта Рен. Ей хотелось забрать их обратно, но Уна только покачала головой.

– Я знаю, что ты хотела большего от меня. Но я такая, какая есть.

– Уна...

Сожаление в ее глазах испарилось. Снова Уна стала командиром, внушительным в своей шинели с острыми плечами и серебряными эполетами.

– Ты должна кое-что выполнить в мое отсутствие.

– Я больше не твой подчиненный, забыла?

Уна издала нетерпеливый, почти умоляющий звук.

– Тогда просто пообещай мне одну вещь.

– Все что угодно.

– Пока я не верну ее расположение, оставайся *здесь*. Не делай ничего...

– Безрассудного. – Рен знала, что это. Второй шанс, которого она не заслуживала. Но она не могла избавиться от ощущения, что это больше похоже на вновь открывшуюся рану. – Я знаю.

– Пообещай.

– Ладно. Обещаю. – Рен отвела взгляд, чтобы скрыть боль, блеснувшую в глазах. – Когда ты отправляешься на миссию?

Уна склонила голову, как будто она отяжелела от облегчения.

– Завтра днем.

– Только вернись ко мне.

– Я вернусь.

Именно такой Рен хотела запечатлеть Уну в своих мыслях, если вдруг это будет ее последний образ. Преданная. Почти любящая. Рен отчаянно цеплялась за мелкие детали: чернильный водопад волос на плече, огонь, потрескивающий в янтарных глазах, благочестивая торжественность голоса.

Но громче всего были ее слова: *«Я знаю, что ты хотела большего от меня»*.

Рен действительно хотела, но если это было невозможно, то желала хотя бы просто находиться рядом. Уна нуждалась в целителе, поэтому Рен заслужит свое восстановление. А пока она докажет, что может быть терпеливой. И когда Уна вернется к ней, Рен превратится в девушку, заслуживающую уважения Изабель и доверия Уны. Той девушкой, которая сможет вернуть Байерса домой.

## 4

Нокейн – грязный, угрюмый и вонючий город. Но тем не менее это ее дом.

Рен надеялась запомнить каждую деталь, пока шла по улице с двумя кожаными чемоданами в руках. Но, к сожалению, стояла зима. Как и каждое зимнее утро, густой туман клубился над рекой и поглощал все на своем пути. К концу дня он почернеет от сажи и дыма фабрик, и весь город будет вонять серой. Пока что пахло только канализацией и...

Нет, лучше не строить догадок.

Пока она шла, сквозь туман пробивались голые очертания окружающего ее города. Наполовину сожженные здания, все еще не восстановленные после прошлогодних налетов весрианцев, валялись в переулках, как пьяные. Разбитые окна смотрели на нее с высоты, затуманенные сероводородом, доносящимся из зловонных колодцев. Вдалеке шпили Северной Башни пронзали слишком низкое небо. Это было единственное новое и безупречное строение на многие мили вокруг.

Рен пробиралась по укромным закоулкам, пока не пересекла реку Мури. Почти все ненавидели ее – по уважительной причине, поскольку ее кислотность могла растворить практически любого, кто был достаточно храбрым или глупым, чтобы ступить в нее. Но Рен питала странную привязанность к вязким черным водам. Считалось, что много лет назад Богиня вышла из Мури. Что королевы в эпоху героев нашли ее моющей волосы на мелководье. Казалось невозможным, что что-то настолько отвратительное и невпечатляющее стало свидетелем стольких легенд и событий, но когда Рен наклонилась над мостом и увидела свое отражение, ей показалось, что что-то уставилось на нее из воды.

Она еще ощущала горячее дыхание войны на шее, и этот бесчувственный черный цвет слишком сильно напомнил ей глаза Хэла Кавендиша.

Вздвигнув, она двинулась вперед по скользкой от масла дороге вдоль Мури через город, пока она не вывела ее за ворота в открытое поле. Там, окутанное туманом и скорчившееся, как горгулья, в дрожащей траве, находилось аббатство, в котором размещался Орден Девы. Открывшееся зрелище окатило таким же холодом, как ветер, бьющий в лицо, и повергло в безнадежную тоску. Когда ей было двенадцать лет, во время подготовки к поступлению в военную академию, она собрала все свои мантии и утопила их в реке. Драматично, стоит признать. Но это было так же хорошо, как обещание самой себе: она никогда не вернется.

Теперь, вновь столкнувшись с аббатством лицом к лицу, Рен задалась вопросом, почему она вообще решила, что сможет избежать его гравитационного притяжения. Ее пальцы и плечи болели от холода и тяжести багажа. Оставалось пройти всего милю, прежде чем она доберется до ворот аббатства.

С каждым шагом Орден Девы становился ближе. Его колокольни и башенки царапали облака, а узор массивного розового окна мерцал, как паутина, в сером солнечном свете. На нем было изображено лицо Девы – первое лицо трехглавой Богини рядом с Матерью и Старухой – с золотыми волосами, в которые были вплетены полевые цветы. Как только Рен войдет в эти двери, никто, кроме королевы, не сможет освободить ее.

*«Надеюсь, ты действительно невероятно убедительна,  
Уна».*

Она не могла заставить себя сделать очередной шаг. Эти стены не могут быть ее миром – она видела столько всего, что теперь не сможет довольствоваться этим. Рен стояла во дворе, ветер теребил подол ее дорожного плаща. Она была готова поклясться, что это место помнит ее. Она чувствовала это, как холод от пристального взгляда.

Потому что кто-то действительно смотрел на нее.

Она переключила внимание на западную галерею, где виднелся темный силуэт. Рен отшатнулась, но затем, позволив себе сосредоточиться, увидела, кто это.

Мать Элоиза.

Одетая в черную мантию и куколь<sup>2</sup>, в руках она держала потрескавшийся кожаный ремень. Рен никогда не чувствовала его укуса, хотя, вероятно, она заслуживала. У нее никогда не хватало выдержки для многочасового поклонения, для чтения чувственной религиозной поэзии святых. В первые недели пребывания там она даже несколько раз пыталась сбежать. Но Элоиза верила в скрытые угрозы. Обещание наказания управляло ее учениками гораздо эффективнее, чем его исполнение. Нотации, однако... Их она читала в огромном количестве.

*«У тебя есть дар, – говорила она Рен строгим дребезжащим голосом. – Ни семьи. Ни веры. Ни перспектив. Только твоя магия. Ты готова потратить жизнь впустую здесь, устранивая шалости и упиваясь жалостью к себе? Или ты наконец что-то сделаешь из себя?»*

Элоиза дала ей возможность – более ценный дар, чем любой драгоценный камень. Обучение медицине и магии. А вместе с этим – шанс быть значимой. Быть не королевским бастардом, спрятанным в стенах аббатства, а целителем Королевской Гвардии. Кем-то, кто может быть полезен, раз уж его нельзя любить.

Теперь Элоиза смотрела вниз, на кончик своего носа, с выражением явного разочарования. Затем она отвернулась от окна и исчезла в темном коридоре. Рен вздрогнула, как будто мать Элоиза треснула ремнем по ее костяшкам пальцев.

Глубоко вздохнув, Рен подошла к центральным воротам. Над ними возвышался каменный тимпан<sup>3</sup>, но все, что она видела в потрепанной от погоды резьбе, – страдальческие лица и пустые глаза, обращенные к Богине. А еще выше – предрассветное небо, усыпанное звездами, которые холодно мерцали, как осколки льда.

Рен позвонила в колокол на главных воротах и подождала, пока деревянные двери со скрипом открылись. Она попыталась выпрямиться, когда тени неизбежно потянулись к ней. С другой стороны была женщина – сестра Мел, которая в течение первого месяца Рен заставляла ее плачущую больше раз, чем ей хотелось бы.

– Святая Богиня! Сестра Рен, это ты?

– Да. – Рен сморгнула жгучие слезы. Никто их больше не увидит. – Я вернулась.

Лазарет Ордена Девы оглашался чахоточным кашлем и стонами. На табурете без спинки Рен работала над своим третьим пациентом за день – женщиной со сломанным запястьем. Воистину у Вселенной было извращенное чувство юмора – или чувство жестокой справедливости, которым она должна была восхищаться. Она провела весь день, пытаясь не разразиться истерическим смехом, который наверняка вызовет у пациентки беспокойство. Даже сейчас, пока Рен работала с плотно сжатым ртом, она еле сдерживалась.

Залитая сиянием сотен исцеляющих рук, комната, казалось, купалась в холодном свете свечей. Ряды кроватей тянулись от стены до стены, как скамьи в нефе. Находиться здесь – все равно что снова стать ребенком: вечное неприятное ощущение от постоянно сгорбленной спины, напряжение в руках, раздражающий скрежет грубо скрученной ткани. Ее одежда, такая же ужасная и грубая, какой она ее помнила, была землисто-коричневой. Цвет представлял собой символ фундаментальной тайны Богини – грязи, в которой росли и были похоронены вещи. Рен, однако, просто считала ее уродливой.

Послушницы Ордена Девы верили, что целительство – это божественное стремление. Благодеяние, совершенное для того, чтобы благосклонность Богини возросла втрое. Хотя она

---

<sup>2</sup> Куколь – монашеский головной покров. (Прим. ред.)

<sup>3</sup> Тимпан – архитектурный элемент, названный по аналогии с одноименным музыкальным инструментом, – внутреннее поле треугольного фронтона. (Прим. ред.)

не жила здесь уже много лет, воспоминания об уроках все еще преследовали ее: холодные каменные стены за спиной, жесткие деревянные скамьи под ней, рассыпающиеся богословские рукописи в руках.

*«Богиня одарила мир святейшим даром, воплощением своей божественности, – писала святая Джиа, основательница Ордена. – Огромное знание – то, которое без ее света становится холодным. За каждый шаг к пониманию наших непостоянных форм давайте сделаем три шага к пониманию ее Тайны».*

Но Рен так и не смогла найти утешение в вере. Здесь целительство было не более чем ежедневной неприятной обязанностью. На прошлой неделе, когда она забралась в постель с болью в каждом суставе от чрезмерного использования магии, старшие сестры сказали, что это не всегда было так ужасно, так хлопотно.

За три столетия войны было несколько периодов тишины, но набожная королева Изабель возобновила военные действия с беспрецедентным рвением, хотя те, кто не участвовал в войне, все еще страдали. Уволенные с честью солдаты, нуждающиеся в лечении хронической боли. Сироты войны, погрязшие в болезнях после ночей, проведенных на холоде. Обычные люди, получившие травмы на работе, но не способные уволиться.

Пока Рен работала, она чувствовала знакомое покалывание на шее. Взгляды. Глаза ее сестер горели – не всегда недоброжелательно, но с одним и тем же вопросом: *«Почему ты здесь?»*

Вес их мыслей давил на плечи. Возможно, ей показалось, но она была готова поклясться, что они жалели ее. Неудивительно – о ее неудаче уже сообщили в каждой колонке сплетен и таверне города. Теперь она могла только представлять заголовки: *«Бумажной королеве Изабель наконец надоело держать бастарда сестры на государственной зарплате».*

Рен отогнала горечь и попыталась погрузиться в привычный процесс исцеления. Попыталась получить от него удовольствие, но это была просто бессмысленная изматывающая работа. Она сойдет с ума от этой однообразности, от того, как ее мир сжимался все сильнее и сильнее. Да, она помогала людям. Но что значило лечение подагры одного мужчины или сломанного запястья одной женщины против бесчисленных смертей на войне?

Это было совсем не то, чего она хотела. Она находилась совсем не на своем месте. Она должна была найти след похитителя Байерса. Того, кто может забрать у нее Уну. Даже если Уна выживет и проследит за исчезновениями до самой Весрии, война все равно начнется. Уна снова будет участвовать в битвах – но уже без Рен, которая исцелит ее.

*«Несмотря ни на что, – подумала она, – я должна вернуться в армию».*

Рен заставила себя улыбнуться пациентке, когда свет Исцеляющего Прикосновения исчез. Вслед за этим нахлынуло оцепенение.

– Вот и все. Вы исцелены.

– Спасибо. – Глаза женщины округлились от удивления. – Я никогда не смогу отплатить вам, сестра.

Прежде чем Рен успела ответить, скрюченные пальцы обхватили ее локоть. Она повернулась и увидела мать Элоизу, нависшую над ней с цепочкой деревянных четок, позвякивающих на шее. Точь-в-точь как помнила Рен, Элоиза выглядела как разъяренный грач, хотя время украло больше цвета у ее волос и сморщило золотисто-коричневую кожу. Когда Рен вновь увидела ее, то почувствовала нечто необъяснимое. Это была женщина, которая вырастила ее, которая обучала ее вместе с другими ученицами. Однако в этом воссоединении не было радости. Только холодное узнавание.

Рен не смогла забыть ее удаляющуюся спину в окне.

Когда Элоиза собрала исцеляющую магию в ладонь, Рен подавила гнев, прежде чем он разгорелся как следует. Она не видела Элоизу всю неделю, и вот она здесь, оценивала ее

работу так, словно Рен была новоиспеченной ученицей. Явно удовлетворенная, Элоиза погасила магию и положила одну руку поверх другой на трость.

– Идеально, как и всегда, сестра Рен. – Затем она обратилась к женщине: – Иди с миром.

Как только пациентка выбралась из постели и оказалась вне пределов слышимости, Рен набросилась на старуху:

– Недостаточно идеально. В конце концов, я здесь.

– Верно. – Сначала Рен показалось, что Элоиза теперь уйдет. Она была такой же загадочной и раздражающей, как всегда. Однако она полезла в глубокий карман мантии. – Сегодня утром тебе пришло письмо.

Хотя такой быстрый отказ от любезностей задел, внутри Рен зародилась надежда. Возможно, это Изабель написала, что передумала. Но в распухших руках Элоизы дрожал конверт – красный, как осенний лист. Искра возбуждения сменилась смущением. Ей не нужно было приглядываться, чтобы понять, что на нем нет печати королевы. Красный был слишком кричащим цветом. Изабель предпочитала белый и только белый.

Рен взяла письмо. На лицевой стороне были изображены украшенные сусальным золотом оленьи рога – знак керносской знати. Это невероятно ее удивило.

Керносу не повезло существовать на том же полуострове, что Дану и Весрия, но из-за своей враждебной горной местности они успешно изолировались и сохраняли нейтралитет в течение трех столетий кровавого конфликта. Как правило, они не вступали в контакт со своими более крупными соседями, чтобы не спровоцировать крики о фаворитизме. Вместо этого они искали союзников за морем. Технологии и торговля обеспечили им достаточно средств, чтобы подняться над дану-весрианскими войнами. Необходимость для жителей страны, которые не обладают магией.

У Дану не было официального контакта с Керносом в течение... хм-м, долгого времени. И все же здесь, в голодных трясущихся руках Рен, ее имя было написано изящным почерком.

– Я бы посоветовала сжечь его, – произнесла Элоиза.

Рефлекторно Рен прижала конверт к груди.

– Что? Почему?

– Кернос годами игнорировал любые просьбы о помощи. Они удобно устроились на своих золотых горах и наблюдали за тем, как наши люди истекали кровью. Они не нарушили бы своего молчания без причины – и чтобы они пришли к тебе, простой девушке, опозоренной и без защиты? Что хорошего это может принести?

Она сказала правду. И все же это было решение Рен, она должна все как следует взвесить.

– Это все, что вы хотели сказать, или вы проверяете, чтобы я не ускользнула во время перерыва?

– Я пришла, только чтобы передать тебе это. – Она взглянула на письмо, словно оно было проклято. – А что с ним делать, ты решишь сама. Ты больше не ребенок.

Гнев пылал в ее глазах, и Рен пыталась не заплакать от отчаяния. Не здесь. Не когда остальные придвинулись ближе, чтобы подслушать. Рен понизила голос до тонкого, сдавленного шепота.

– Вы в самом деле так думаете, мать? Вы не встречались со мной до сегодняшнего дня. Здесь у меня нет права решать, что делать. А теперь у меня нет права решать, с кем я буду переписываться?

Элоиза смерила ее недоверчивым, но терпеливым взглядом, который заставил Рен почувствовать себя ребенком из-за вспышки гнева.

– Мы все должны платить за свои ошибки.

Да, и Рен дорого заплатила за свою. Если она не сможет убедить королеву отменить приговор, она будет заперта здесь навечно, пока ее друзья будут умирать на границе.

– Я не могу остаться здесь.

– Возможно, стоит рассматривать это как новое начало. Как благословение Девы. Если, конечно, ты не предпочитаешь Разрыв.

Из-за рисков магия целительства была запрещена для всех, кроме духовенства и военных. Целитель, который надеялся жить среди гражданских лиц, подвергся бы Разрыву – процедуре, санкционированной правительством республики Дану. Хотя все целители давали обет ненасилия, Рен всегда чувствовала влечение и отвращение к ужасной силе магии. Она могла вскрыть артерию так же легко, как прижечь рану. Она могла даже повлиять на *фолу* – вены, которые несли магическую энергию по всему телу. Одним ударом по центральной *фоле* в сердце Разрыв полностью обрывает связь человека с его магией. Рен вложила все, что у нее было, в овладение магией. Без нее она стала бы никем.

– Нет, мать, – тихо ответила она. – Я не хочу этого.

– Хорошо. Было бы жаль потерять такой талант. Здесь ты найдешь свой путь, даже если он не тот, каким ты его себе представляла. – Взгляд Элоизы вновь упал на письмо в руках девушки. – Не забудь мой совет, сестра. А теперь прошу меня извинить.

Как только она шаркая вышла из лазарета, та удушающая власть, которую она имела над этим местом, исчезла. Сестры вернулись к работе, словно они не подслушивали все это время. Кашель возобновился. Рен вспомнила, что нужно дышать, все ее мышцы расслабились.

Элоиза, конечно же, была права. Теперь, когда стало известно, что у Рен нет защиты королевской семьи, хитрые политики, как внутри, так и за пределами границ Дану, начнут рыскать повсюду. Королева без наследника нервировала монархистов, и любой амбициозный дворянин мог использовать ее как марионетку с каплей королевской крови. Легкая дрожь искушения пробежала по ней. Что лучше – быть запертой в аббатстве или в доме аристократа?

«*Что за отчаянные мысли?*» – упрекнула она себя. Если она сдержит обещание, данное Уне, все будет в порядке. Самым безопасным вариантом было оставаться здесь и придерживаться правил.

Сжечь письмо. Выполнять приказы королевы. Обуздать чувства.

Это был только вопрос времени, когда она будет восстановлена в должности и вернется к расследованию дела Байерса, если не будет готова вести войну бок о бок с Уной. Но из-за неудовлетворенности и страха, угрожающих поглотить ее, Рен не могла убедить себя, что все это правда.

Она держала в руках кроваво-красное письмо и океан сомнений.

В уединении своей комнаты Рен разложила письмо на столе, как образец, готовый к вскрытию. Прочитав подпись «*Лорд Алистер Лоури III*», Рен мгновенно напряглась. Из всей керносской знати, кто мог написать ей, конечно, это был человек, чье имя когда-то появлялось в каждой колонке сплетен. Его народ, возможно, и отказался от любых контактов с Дану, но остальной мир слишком стремился к утечке новостей с Керноса. Их последние изобретения, их экстравагантная мода, которая породила дешевые подделки, наводнявшие данийские бальные залы каждый сезон, и конечно же последние скандалы их придворных.

Алистера Лоури многие, и, возможно, справедливо, считали кем-то вроде шута. Типичный аристократ, он ни в чем не нуждался, и его единственные амбиции состояли в том, чтобы спать с красивыми людьми, писать посредственные стихи и пить изысканные спиртные напитки. В общем, он был бесполезным денди – или, по крайней мере, хотел им казаться. В прошлом году слухи о его здоровье и финансах заменили отчеты о его пышных вечеринках. Он просто исчез с керносской социальной сцены, как будто в одночасье потерял ко всему этому интерес.

Это все было странным, но не более, чем это письмо. Несмотря на убывающую славу, он все еще был одной из самых больших знаменитостей в Керносе, а Рен была никем. Что может предложить ей такой человек, как Алистер Лоури? С любопытством она вскрыла конверт, как

будто готовилась запустить ловушку. Аккуратный петляющий почерк блеснул темными чернилами.

*Уважаемая мисс Сазерленд!*

*Надеюсь, это письмо найдет вас в добром здравии. Позвольте начать с того, что я обращаюсь к вам с величайшим почтением. Ваша репутация как целителя и хирурга опережает вас. Но прежде чем я начну разглаживать о своем огромном восхищении вашей профессией, позвольте перейти к сути дела. Я отчаянно нуждаюсь в ваших умениях.*

*Болезнь унесла жизни моих работников, и в тот момент, когда я думал, что со мной покончено, мой любимый слуга тяжело заболел. Я буду совершенно опустошен, если он умрет, я совершенно потерял покой. Хотя местные целители сделали все что могли, они все еще не знают, как его вылечить. Согласен, так высоко в горах мы слишком изолированы. Я ловлю себя на мысли, насколько хороши наши достижения, если они не могут спасти жизни; все, о чем здесь, похоже, заботятся, – это инженерия. Ужасная скука, поверьте мне.*

*Когда я начал узнавать о данийских врачах, постоянно всплывало ваше имя. Я не тот человек, который верит в совпадения. Отсюда и это письмо. Я предлагаю вам следующее: приезжайте работать на меня. Вы можете жить у меня, и я буду развлекать вас, когда смогу. Излечите моего слугу от болезни, и, когда он поправится, я щедро вас награжу. Хотя я буду рад отплатить вам деньгами и моей вечной благодарностью, буду откровенен. Я слышал о вашем, скажем так, несчастье и верю, что смогу вам помочь.*

*Возможно, вас удивит, что мы, керносцы, заботимся о бедственном положении наших соседей. Я наблюдал, как данийцы и весрианцы разрывали друг друга на части, почти три десятилетия, и перемирие наполнило меня надеждой. Однако, похоже, в связи с исчезновением ваших солдат обстановка снова накаляется. Государственные дела меня никогда особо не интересовали, но войны достаточно долго заливали кровью этот континент. Даже я вижу, что нам пора забыть о разногласиях.*

*Я хочу заключить союз между нашими странами и обратился к вам в надежде на помощь в организации переговоров с королевой. Писать ей напрямую было слишком рискованно, так как это письмо может быть перехвачено и неверно истолковано.*

*Хотя мы никогда не сможем надеяться конкурировать с вашей магией, у нас есть средства и оружие, чтобы помочь вашему делу. Наша поддержка укрепит вооруженные силы Дану – и отговорит наших весрианских соседей от любых дальнейших актов насилия. Давайте никогда не будем забывать, кто начал эту войну и чей бог требует кровопролития. Я боюсь, что, если их не остановить, война никогда не закончится.*

*Простите, что я не вдаюсь в подробности, но обсуждать такие деликатные вопросы посредством письма небезопасно. Пожалуйста, пришлите мне ответ по указанному адресу как можно скорее. Если вы согласитесь, я отправлю экипаж, чтобы доставить вас ко мне. Я буду ждать вашего ответа зажав дыхание. Боюсь, у моего слуги осталось мало времени.*

*С наилучшими пожеланиями,  
лорд Алистер Лоури III*

Рен перечитала письмо три раза, прежде чем отложить его в сторону.

Это был ее шанс искупить вину. Шанс доказать себе, что она все еще приносит пользу.

Если она заручится поддержкой Лоури, она сможет остановить войну до ее начала. У Изабель не останется выбора, кроме как признать, что Рен заслуживает места в Гвардии. Восстановив свою должность, она снова сможет быть с Уной – по крайней мере, как ее правая рука. Этого, сказала она себе, будет достаточно. Этого всегда было достаточно. Все еще обидно, что Она предпочла *им* карьеру, но любая любовь, которую могла получить Рен, была лучше, чем вообще ничего. Она покажет Уне, что она это заслужила.

Все было так просто. Вылечи человека, вернись домой героем.

И это было слишком, слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Элоиза была права. Почему он написал *ей*? С тех пор как война уничтожила Гвардию, Рен являлась одним из самых опытных целителей. Она обладала хирургическими навыками и медицинскими знаниями, превосходящими знания большинства других целителей, которые сосредоточились на овладении Прикосновением. Но его предложение... Оно было слишком расплывчатым, слишком дружелюбным.

Это ведь лорд Алистер Лоури III, который славился скандалами, а не хитростью. Даже в Дану все слышали о том, как его пьяного вырвало на колени великой герцогине на званом обеде, или о том, как брошенный любовник однажды сжег свое изображение на лужайке и испортил день рождения герцога Мэттонви. И все равно у нее были опасения.

Но если у нее остался только этот шанс, она определенно была готова схватиться за него. Вот только если она примет предложение Лоури и уедет без разрешения, ее отдадут под трибунал за дезертирство.

Преступление, в лучшем случае карающееся смертью.

А значит, ей сначала придется пойти к королеве. Только от одной мысли об еще одной встрече с ней Рен захотелось рассыпаться в прах. Но в этот раз у нее хотя бы будут рычаги влияния. Робкая надежда расцвела в ней. Изабель ни капельки не заботилась о ней, но она наверняка отложит свою обиду ради общего блага. Лоури предлагал им союз и военную поддержку, и Богиня знала, что Дану остро нуждалась и в том, и в другом.

*«Когда я принесу ей это письмо, она наконец будет довольна мной».*

Рен следовало бы дать себе пощечину за такую наивную мысль. Но действительно ли было так глупо надеяться? Лоури обратился к Дану из-за нее – потому что он признал ее талант, несмотря на все неудачи. Может быть, его признание наконец убедит Изабель увидеть ее ценность?

Рен вытащила из ящика лист пергамента и набросала просьбу об аудиенции у королевы Дану. К концу ночи она получила ответ, скрепленный королевской печатью из сверкающего серебряного воска.

*«10:00. Не опаздывай».*

## 5

Хотя прошла всего неделя после того, как Рен покинула Нокейн, она почти забыла шум в его сердце и удушающее давление толпы. На нее обрушились болтовня пешеходов и ржание лошадей, стук колес экипажей по мощеной дороге, визг духовых оркестров и громкие разговоры извозчиков.

Рен следовала за потоком машин по узким улочкам, утопая в море нижних юбок. Она выругалась, уворачиваясь от кареты, которая чуть не раздавила ей ногу, и заработала возмущенный взгляд женщины впереди.

Она уже вспотела под колючей туникой и дорожным плащом. В городе всегда было оживленно – умение растворяться в толпе и становиться такой же безликой и пустой, как туман, определенно было даром, – но сейчас чувствовался какой-то новый накал страстей. Воздух гудел от заразительного восторга, которого она не чувствовала, казалось, годами. В последнее время у данийцев было не так уж много поводов для праздников.

Насколько Рен понимала, это был не праздник и дело точно было не в снегопаде, каким бы редким он ни был. Толстые хлопья падали с неба, черного от сажи и едкого от загрязнения.

По всей Срот-стрит мальчишки с громкими голосами продавали газеты, стоя на перевернутых ящиках около железных уличных фонарей. Люди толпились вокруг них, жаждущие сегодняшних новостей, как обычно жаждали глинтвейна, продаваемого в рыночных лавках ниже по реке. Когда Рен вытянула шею, чтобы мельком увидеть заголовок, кто-то, спешивший мимо, толкнул ее в плечо. Ее сумка – красное письмо и все остальное – с мокрым шлепком приземлилась в слякоть. Рен приготовилась к оскорблению, пока по привычке поправляла прическу, но мужчина наклонился, чтобы поднять сумку.

– Прошу прощения, сестра, – усмехнулся он из-под усов. – Благословенного дня.

Рен, не веря своим ушам, уставилась на его удаляющуюся спину. Здесь никто никогда не был таким милым.

Крепко прижимая к себе сумку, она продолжила путь к порту, где Северная Башня – чудовищное здание с зазубренными шпилями из внушительного черного камня – устремила свои настороженные стеклянные глаза на море. Это было, безусловно, самое высокое здание в городе, уходящее в заснеженные облака, как будто оно должно было притянуть саму Богиню к земле. Рен понимала, почему королева переехала туда. Из окна кабинета она могла видеть весь Нокейн, раскинувшийся перед ней, как шахматная доска. Изабель самопровозгласила себя Богиней, отстраненной и всевидящей.

По мере того как Рен приближалась к Башне, запахи соли и пота становились сильнее, а толпа – гуще. Люди задерживались на перекрестках и заполняли переулки. Большинство были так поглощены новостями в газетах, что не замечали ничего вокруг, толкая соседей и спотыкаясь о собственные ноги. Они обнимались. Они плакали. Они выходили из баров, их невнятные певучие голоса отражались от мощеных улиц.

Рен никак не могла понять, какая новость так всех взволновала. В течение нескольких недель все заголовки были одними и теми же: предзнаменования войны и душераздирающие рассказы семей пропавших без вести солдат.

Может, кто-то нашел их? Может, Уна сможет наконец вернуться домой? Она должна встретиться с королевой всего через двадцать минут, но незнание не давало ей покоя. Пробираясь через толпу, она купила газету и нырнула под незанятый навес, чтобы прочитать ее.

Среди рекламы позолоченных ложек и солодового уксуса, колонок светской хроники и театральных объявлений уютно устроился портрет. Прошли годы с тех пор, как она в последний раз видела лицо Хэла Кавендиша, но это определенно был он. Все в нем исходило власт-

ность, от опущенных полных губ до скучающего угольно-черного взгляда. Рефлекторно она отвела глаза от его смертоносного взгляда – и увидела заголовок.

**ЖНЕЦ ХЭЛ КАВЕНДИШ – ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕСРИЕЦ,  
ИСЧЕЗНУВШИЙ В ЭТОМ ГОДУ. НАПРЯЖЕННОСТЬ ВОЗРАСТАЕТ.  
ВЕСРИЯ ОБРАЩАЕТСЯ К ДАНУ ЗА ОТВЕТАМИ**

Рен не знала, что весрианские солдаты тоже пропадали. И хотя эта новость встревожила ее – вернее, сбила с толку, – она не смогла удержаться от ухмылки, прочитав первую часть заголовка.

Хэл Кавендиш пропал. Как им могло так повезти?

В девятнадцать лет он стал главным кандидатом на должность следующего верховного магистра, и Рен бросало в дрожь от мысли, какими ужасами может обернуться правление Хэла. Чтобы угодить своему ненасытному богу, весрианцы провели выборы, которые были не более чем кровавым спортом. Каждые пять лет восемь правящих семей выдвигали кандидата, чье лидерство проверялось в бою. В этом году Хэл должен был стать девятым магом – и первым Кавендишем за два поколения, который рискнет жизнью ради власти.

Магия в роду Кавендишей иссякла вместе с дедом Хэла, и, верная жестоким обычаям Весрии, его семья была лишена титула и отстранена от права членства в магистериуме. Теперь Хэл должен был убивать и наводить страх на аристократию, прокладывая свой путь к славе. Поистине омерзительное искупление. Кто, в конце концов, был бы настолько глуп, чтобы бросить вызов Жнецу Весрии? Никто не знал, скольких данийцев он убил. И даже до участия в войне он совершал зверства. Ходили слухи, что весрианскую военную академию заканчивала только половина их новобранцев. Другая половина погибала, убитая своими же одноклассниками на турнире.

*«Наконец-то, – подумала она. – Еще на одного монстра в этом мире стало меньше».*

– Что-то интересное? – спросила Уна.

Рен обернулась на звук ее голоса. Ей потребовалось мгновение, чтобы осознать, что Уна – настоящая Уна – стояла перед ней. Она почти не узнала ее в гражданской одежде: черный галстук и пальто до колен на фоне накрахмаленной белой рубашки. В туманном свете ее янтарные глаза потемнели до теплого насыщенного цвета сиропа, а черные волосы ярко блестели на фоне снегопада. Он запорошил ее ресницы, растворился в шерсти пальто.

– Уна! – Она бросилась вперед и заключила ее в объятия. Уна ожидаемо напряглась, но прямо сейчас Рен это не волновало. Она не хотела слышать никаких протестов. – Ты дома. Ты жива.

– Естественно. – Уна высвободилась из объятий Рен. – Я же сказала, что вернусь домой.

– Да, но...

– Прошла всего неделя.

– Я тосковала от разлуки.

– Безусловно.

Рен прикусила губу. Было почти ошеломляюще снова быть с ней. Она хотела вытянуть из нее все подробности миссии. Она хотела сказать, что больше не оставит ее одну. Но она не могла опоздать.

– У меня встреча с королевой. Прогуляешься со мной?

– Веди.

Уна поравнялась с ней, и их разговор перешел в неловкое молчание. Майор всегда обладала целеустремленностью паровоза, но сегодня она владела ею как оружием. Что-то в ее приподнятом подбородке, ритмичном *стук*е ботинок по улице разделило толпу надвое. Ничто не нарушало ее сосредоточенности или мрачно-равнодушного выражения лица. Ни рабочие, вывешивающие плакаты протеста у ворот фабрики. Ни торговцы, заводящие хрипящие безде-

лушки и кричащие: «Чудо из Керноса, сестра!» Ни рыночные лавки, битком набитые грушами и глазированной выпечкой.

Она чего-то избегала, и Рен так или иначе узнает, чего именно. Толкнув Уну в плечо своим, она сказала:

– Итак? Расскажи мне все.

Улица, должно быть, стала вдруг значительно интереснее. Уна решительно смотрела на Башню вдалеке. Густые серые облака поглотили ее, сквозь них пробились лишь слабые намеки на замысловатые ажурные шпили, такие же кружевные, как платья королевы. Судя по всему, скоро они будут погребены под снегом.

– Он сбежал.

Сердце Рен пропустило удар. Как мальчик смог *дважды* сбежать от Уны?

– Ох, – единственное, что смогла сказать Рен.

– Мы шли по следу, пока он не исчез недалеко от границы с Керносом. Я ожидала, что королева придет в ярость, но этого не произошло. – Уна сжала челюсть. – Она полностью прекратила расследование.

Порыв ветра с реки пробрал Рен до костей. Она остановилась как вкопанная.

– Она бросает их?

Лицо Уны исказилось от горя.

– Да.

Если бы Рен погрузилась в воспоминания, она все еще могла бы представить Байерса рядом, с его нелепой копной светлых волос, вишнево-красным концом сигареты. Как мог кто-то такой яркий просто исчезнуть?

– Но *ты* не можешь.

– Я не могу позволить себе роскошь следовать зову сердца. Если ты хочешь вернуться на должность, я должна выполнять ее приказы.

Рен не могла поверить своим ушам. Исчезло семь солдат из Дану и Весрии, исчез даже Хэл Кавендиш. И каждая из сторон стремилась обвинить другую.

– Тогда прекращение перемирия лишь вопрос времени. Мы начнем из-за этого войну, да?

– Скорее всего, да. – Уна выхватила у нее газету и, скривив губы, пробежала глазами заголовок. – Мне кажется это все слишком удобным. Пропало семь солдат. Верховный магистр обвиняет Дану, королева обвиняет Весрию, и в итоге разразится война, потому что никто из них не видит дальше своего носа.

– Ты правда веришь в это? – спросила Рен. – Ты не думаешь, что это сделали они?

– Конечно нет. Я отказываюсь верить, что все так просто, – резко ответила Уна, но ее гнев был направлен в другое русло. – Мне кажется более вероятным, что у нас общий враг. Но королева определенно не прислушается к моим советам.

Рен заметила нотку обиды в голосе Уны. По факту она не имела права ничего предлагать. Кто такой офицер среднего звена для королевы? Но за эти годы Изабель прониклась симпатией к Уне. Иногда Рен поражало их сходство. Их безжалостность, их праведность, их бескомпромиссные идеалы. Во многих отношениях Изабель относилась к Уне как к дочери.

– Ты прекрасно знаешь, что она не успокоится, пока не разгромит их, – сказала Рен. – Она хочет войны.

– Если парламент уступит, значит, там сидят бесхребетные люди. – Парламент потребовал прекращения огня для благополучия страны, но возмущенное население и заявления газет о прямом акте войны затруднили бы его соблюдение. – Я ненавижу весрианцев так же сильно, как и все остальные, но мы все будем обречены в тот момент, когда заменим здравый смысл эмоциями. Здесь происходит что-то еще.

Тишина между ними гудела, как звон в ушах.

Рен не знала, во что верить. Не было другого логичного подозреваемого, кроме Весрии. Весь остальной мир отделился от дану-весрианских войн, и их ближайшим соседом был Кернос. Мальчик со сломанной рукой владел магией – она чувствовала ее потрескивание в воздухе, когда он ударил ее, – а у керносцев, как правило, ее не было. Кроме того, как сказала Элоиза, Кернос не вмешивался в дела других. Управляемый олигархией герцогов, он был в значительной степени атеистической нацией и отказывался пачкать руки о религиозные ссоры и земельные споры. Когда дело доходило до магии, все технологии и богатства в мире не могли гарантировать вмешательство без жертв.

– Кто еще это может быть? – осторожно спросила Рен.

– Я не знаю. – Рен не смогла проигнорировать сомнение в голосе подруги. Уна не была бы собой, если бы на была непоколебимой. Прежде чем Рен смогла надавить на нее, Уна продолжила: – Но сейчас в центре моего внимания новое задание. Так как Кавендиша объявили пропавшим, королева надеется найти его живым и использовать в качестве рычага давления. Если я буду той, кто поймает его, я верну ее благосклонность.

– Надежный план действий. – У Рен пересохло в горле, но она старалась скрыть горечь в голосе. – И опасный.

– Только не начинай снова беспокоиться обо мне.

– А как мне не беспокоиться, если тебе, кажется, жить надоело? – Она схватила ее за рукав и притянула к себе. – Никто не встречался с Кавендишем лицом к лицу и остался после этого в живых.

– Мне не нужно смотреть на него, чтобы убить.

Рен раздраженно фыркнула:

– Твоя гордость не стоит твоей жизни. Ты не можешь пойти на эту миссию.

Уна отдернула руку.

– Могу и пойду.

– Уна, *пожалуйста!* – В голосе Рен послышалось отчаяние. – Ты знаешь, как мне было тяжело? Каждый день я открывала газету и молилась, чтобы там не было твоего имени. Я волновалась, не пропала ли ты. А теперь я должна буду беспокоиться о том, что тебя убьет Жнец.

– Рен, – жестким, властным голосом осадил ее. – У меня нет выбора.

– Разве?

– Да, – ответила Уна так твердо, что испугала их обеих. – Дело не в моей гордости. А в тебе.

– Во мне?

– Я уже говорила тебе. Мне нужно, чтобы ты была рядом.

Что-то болезненное, пугающее и знакомое промелькнуло в глазах Уны. Это был лишь слабый отблеск, и Рен задумалась, не почудилось ли ей это. Но нет, не почудилось. Уна никогда не позволяла себе этот взгляд. Даже в то единственное утро, когда она сказала ей: «*Никогда больше*», – как будто эти слова были битым стеклом у нее во рту. Но затем, словно осознав, что она оступилась, Уна моргнула, и в ее взгляде снова появился холодный оттенок.

Снова солдат. Снова девушка без слабостей.

Рен знала, что Уна любила ее. В этом была ее уязвимость. Она поднимала меч против любого, кто осмеливался угрожать Рен. Она проявлялась в чашке ромашкового чая и лжи королеве. Но Рен также знала, что Уна может любить ее только на расстоянии.

– Я не смогу быть рядом, если ты не вернешься, – тихо произнесла Рен.

Уна устало вздохнула.

– Я не собираюсь умирать. Я знаю, что тебе было тяжело, но будь благоразумной.

«*Я знаю, что ты хотела большего от меня*».

Рен прерывисто вздохнула. Глубоко внутри она знала, что Уна права. И все же ей хотелось большего: больше поддержки, больше сочувствия, больше *чего угодно*. Чего угодно, чтобы знать, что Уне действительно не все равно, что она дорожит чувствами Рен. Но просить Уну обсуждать такие вещи, как эмоции, было равноценно тому, чтобы просить ее вскрыть собственную грудь.

– Я не хочу спорить с тобой прямо сейчас, – сказала Рен. – Мы можем обсудить это позже. Уна выглядела невероятно довольной – и в то же время невероятно уставшей.

– Ладно.

– Хорошо.

Они продолжали идти, пока не оказались у кованых железных ворот Северной Башни. Они обе медлили, явно размышляя о том, что осталось невысказанным. Снег теперь густо запорошил волосы Уны сверкающей белой короной, и Рен подумала, что она, возможно, не возражала бы, если бы они замерзли здесь навсегда.

Уна первой нарушила тишину. Рен ожидала еще одного резкого упрека, но когда подруга заговорила, ее голос звучал неуверенно и почти нежно.

– Я зайду к тебе перед уходом.

– Хорошо. – Рен ненадолго замолчала. – Не жди слишком долго. Я скучала по тебе.

Уна ответила не сразу. Вместо этого она сняла три блестящие черные запонки. Она закатала рукав рубашки и обнажила длинную мускулистую линию предплечья. И там, бледный на фоне кожи, красовался шрам.

– На последней миссии я обнаружила, что мне не хватает медика.

Ахнув, Рен схватила ее за руку и осмотрела новую блестящую полоску кожи. Не то чтобы это имело большое значение, но любой стоящий целитель мог закрыть рану, не оставив шрама.

– Зачем ты показала мне это? Теперь я буду еще больше волноваться.

– Я не пытаюсь заставить тебя волноваться. Я пытаюсь сказать, что по тебе скучают.

Рен усмехнулась:

– Кто?

– Я, – едва слышно ответила Уна.

– Признание! Дано под давлением, судя по тону, но я приму его. – Рен проверила время на карманных часах. Осталось пять минут до назначенной встречи. – Я должна идти.

– По какому поводу встреча?

Рен нащупала письмо в сумке.

– Мое восстановление в должности.

Уна нахмурилась.

– Ты помнишь, что обещала мне?

– Ничего безрассудного. Я знаю. – Рен опустила взгляд. – А ты?

– Я вернусь к тебе. – Уна криво отсалютовала ей. – Постарайся не беспокоиться так сильно. Я уезжаю через несколько дней. Но до этого я загляну в аббатство.

И с этими словами она исчезла.

Сегодня светлые волосы Изабель были причудливо уложены. Они были заплетены вокруг головы наподобие короны с крошечными белыми цветами и блестящей серебряной лентой. Прическа выглядела божественной и невероятно гладкой, ни одна прядь не выбивалась из нее. Ни единого изъяна, как бы Рен ни старалась найти.

Она не могла не заметить деталей, потому что почти десять минут стояла по стойке смирно, пока королева читала бесконечно длинный документ. Несмотря на все это, на лице Изабель играла слабая самодовольная улыбка. Бумажная королева согласилась на редкую встречу, но гораздо больше, чем пунктуальность, она ценила пытки. Каждый шелест страниц

терзал терпение Рен, терзал ее гордость. От каждого *тиканья* башенных часов у нее дрожали кости.

Все еще уткнувшись носом в отчет, Изабель произнесла:

– Сестра Рен.

Рен вздрогнула, но исправилась, присев в самом подобострастном реверансе.

– Ваше величество.

– Твой визит оказался своевременным. У меня для тебя хорошие новости.

Рен попыталась подавить в себе упрямый проблеск надежды. Варианта, что Изабель действительно восстановит ее в должности так скоро после отстранения, не было.

Рен сжимала и разжимала кулаки, чтобы разогнать кровь по пальцам, и приготовилась к худшему.

– Хорошие новости?

– Я думала, что с тобой делать. Ты была удивительно терпелива.

«Удивительно». Губы Рен скривились от раздражения.

– Благодарю, ваше величество.

– Ты слишком многообещающий целитель, чтобы не использовать твои способности. –

Изабель наконец отложила стопку бумаг и сложила руки на груди. – Как ты хорошо знаешь, забастовка шахтеров раздражает меня вот уже несколько месяцев. В ходе недавних переговоров они запросили более безопасные условия труда и, как часть этого, медика, чтобы предотвратить возможные жертвы. Я уверена, что для тебя это станет хорошим местом работы.

Колени Рен чуть не подогнулись. Это был приговор гораздо худший, чем отстранение, не тяжелый труд, но от этого не менее смертоносный. Рен слышала ужасные истории о рабочих, раздавленных обломками или страдающих от пожизненной болезни легких. Эта работа означала будущее, такое же длинное, темное и жестокое, как шахта. Кровь прилила к ее ушам, и все вокруг звучало приглушенно и искаженно. Как будто она находилась под землей. Уже похоронена заживо.

Внезапно ужасная правда поразила ее. Изабель не планировала когда-либо восстанавливать ее в должности.

Как она могла быть такой наивной? С тех пор как ее отстранили, она изо всех сил старалась поступать правильно, ответственно. Не делать ничего безрассудного. И ради чего? Не важно, что сделала бы Рен, это бы ничего не изменило. Изабель не давала вторых шансов. Не проявляла милосердия. Каждая дорога заканчивается здесь. Изабель избавится от нее навсегда.

– Это очень великодушно с вашей стороны. – Рен пыталась говорить спокойно, но получилось грубо и отстраненно. Как и всегда, ее эмоции выдавали истинное состояние.

– Я понимаю, это не то, что ты себе представляла, но ты справишься.

– Ваше величество, позвольте предложить альтернативу. – С этими словами Рен вытащила письмо из сумки. – Я получила его вчера.

Рен наблюдала, как Изабель разглядывает красный конверт, рога из сусального золота. Все мышцы на ее шее напряглись под тонкой кожей. Рен не ожидала радости – возможно, удивления, учитывая, что Кернос никогда не отвечал на просьбы королевы о помощи против весрианцев. Но та только уставилась на конверт с усталым раздражением.

– Что это? – сухо спросила она.

– Письмо из Керноса.

– От кого?

– Лорда Алистера Лоури. – Лицо Рен вспыхнуло под пристальным взглядом тети. – Он предлагает мне работу. В его доме слуги чем-то болеют.

Изабель издала резкий смешок, высокий, как бьющееся стекло.

– Лорд Алистер Лоури? Этот дурак?

– Но, ваше величество...

– Он смеется надо мной. Он и его люди считают себя лучше нас, выше нашего бедственного положения. Это определенно одна из его игр, в которую я не собираюсь играть.

– Прошу прощения за то, что перебиваю, но кажется, это та возможность, которую вы ждали. Почему вы отказываетесь от первого контакта с Керносом за многие годы? Он предлагает политический союз в обмен на мою помощь. Его поддержка могла бы предотвратить войну. Она могла бы спасти жизни.

– Если мне понадобится твой совет, я спрошу его. Ты не имеешь права обращаться ко мне так фамильярно.

– Ваше величество, я настаиваю, чтобы вы передумали! Ради блага Дану мы не можем отвернуться от его предложения. Мы и так уже потеряли слишком многих...

– Позволь мне сказать прямо. – Изабель встала из-за стола, из-за чего ее украшения зазвенели. Даже в шелке цвета слоновой кости и кружевном муслиновом воротничке она была ужасающей. Следующие ее слова были пропитаны ядом: – Давай предположим, что Лоури просит тебя об услуге всерьез. Давай предположим, что ты будешь первым человеком, который установит контакт с Керносом. С твоим послужным списком ты скорее начнешь войну, чем закончишь ее.

– Я знаю, как держать себя в руках...

– Ты только разочаровывала меня, – резко прервала ее Изабель. – Ты безрассудная. Ты чересчур эмоциональная. Тобой легко манипулировать. Ты последний человек, которого бы я отправила на подобное задание.

Каждое слово было иглой, которая пронзала глубже предыдущей. Рен заставила себя пролотить гнев, и он начал сжигать ее изнутри. Однако королева еще не закончила.

– И ты такая наивная. Что, по-твоему, ты могла бы сделать? У тебя нет ни дипломатического, ни политического образования, ни изящества. В тебе нет ничего от моей сестры, и ты бросила тень на ее наследие. – Ее серебряные глаза блеснули, как сталь. – Она была превосходным стратегом, жестоким воином – люди ее любили, а враги боялись. Твой безвестный отец был ее единственной ошибкой. Из-за него ее убили на войне. Потомок Богини – *королевы* – жертвует жизнью, чтобы защитить человека, выросшего в баре. Я не могу этого понять.

Слезы подступили к глазам Рен, но *нет*. Нет. Она не будет плакать. Она не доставит Изабель этого удовольствия, не даст ей возможности снова причинить ей боль.

Изабель вздохнула, открыла ящик стола и достала серебряный футляр, полный спичек. Она зажгла одну, и огонь позолотил прозрачный верхний слой платья, блеснул на каждом серебряном кольце и бриллианте на шее.

– Я вижу его, когда смотрю на тебя. – Изабель зажгла подсвечник на столе. По мере того как каждый огонек разгорался, тени под ее глазами становились глубже. – Его волосы. Его глаза. Его дерзость. И все же моя сестра дала тебе его имя, а ты носишь его так, будто заслуживаешь этого. Ты осмеливаешься предстать передо мной, будто ты достойна выполнять работу принцессы. Но это *не* так.

Рен все еще молчала.

– А теперь... – произнесла Изабель. Она задула спичку. Ее тепло некоторое время мерцало, как вуаль, на лице королевы. – Должна ли я договориться о выходном пособии или ты согласишься на новую должность?

Отказаться от задания было невозможно. Изабель хотела услышать признание поражения. И даже если бы Рен отказалась из-за гордости, она приговорила бы себя к жизни без магии, жизни, прожитой наполовину и полностью потраченной впустую. Без этого она никогда бы не стала кем-то. Она никогда не будет достойна любви.

– Я согласна.

– Хорошо. – Изабель протянула руку. – Отдай мне письмо.

– Нет, – прошептала Рен.

– Я не буду просить дважды.

Рен швырнула его на стол. Изабель поднесла его к пламени свечей, мерцающих рядом с ней. Когда конверт засох и почернел, Изабель бросила его в металлическую миску. Вся надежда Рен исчезла, рассыпалась в прах.

– На этом все, – едва слышно произнесла Изабель. Ее слова уносились вверх в клубящемся дыму.

– Благодарю вас, ваше величество. – Рен сумела поднять подбородок и вышла с мрачной целеустремленностью. Но в главном зале паника, которую она сумела подавить в кабинете королевы, накинута и раздавила ее своей тяжестью.

Скоро Уна отправится на задание, чтобы поймать Жнеца Весрии. Если ее новый целитель недостаточно компетентен, чтобы не оставлять шрамов, ради Богини, как он сможет защитить ее от магии Хэла Кавендиша? Скоро Уна может стать еще одним именем в заголовке. Еще одна трагическая история, которая ляжет в основу войны Изабель. Еще одного удара Рен не выдержит.

Она никогда не простит себя, если Уна не вернется домой.

И она не позволит себе сгнить в этой шахте. Она не позволит Изабель победить.

Размеренное *тиканье* часов разрушало ее сдержанность. Ей захотелось сорвать их со стен и швырнуть через всю комнату. Она испытывала извращенное удовлетворение, представляя себе ливень пружин и шестеренок, как Изабель и ее слуги разинут рты в коллективном безмолвном крике.

Ей нужно выйти на улицу. Ей нужно избавиться от этих чувств и уйти подальше от удушающей жары. Рен протиснулась в дверь, и когда она спотыкаясь вышла наружу, то сделала глубокий вдох. Небо давило слишком сильно, но она не боялась. Она была в ярости.

Ее гнев кипел всю обратную дорогу до аббатства, усиливаясь под ударами снега и ветра. Когда она наконец добралась до своей комнаты, то отбросила сумку в сторону, сорвала одежду и бросила ее на пол. Ткань осталась лежать, как только что содранная шкура животного, рядом с листком бумаги, который выпал из сумки.

Обратный адрес, который был вложен в письмо Лоури.

Рен бросилась на пол и прижала записку к груди, как новорожденного. Глаза заслезались. Она все еще могла принять предложение. Еще не слишком поздно. Как только Рен заключит союз, Изабель поймет, какую услугу она оказала стране. У нее не останется другого выбора, кроме как восстановить ее в должности.

Это была единственная надежда, которая у нее оставалась.

Рен села за стол, достала лист пергамента и обмакнула перо в чернила. Она колебалась всего секунду, прежде чем напомнила себе, что ее уволили за неподчинение. Ей было не привыкать к непослушанию, и она была хорошо известна безрассудными поступками.

Осторожными взмахами она написала ответ.

*Уважаемый лорд Алистер Лоури,  
благодарю за ваше письмо. Я благодарна вам за добрые слова о моей работе и ваши соболезнования в связи с моим, как вы говорите, несчастьем. Однако больше всего мне жаль слышать о болезни вашего слуги.*

*Постараюсь быть краткой. Я почту за честь принять ваше любезное приглашение, и я заинтригована вашим предложением. Хотя пока не осмотрю вашего слугу, я не могу сказать, какая болезнь поразила его, я уверена, что помогу вам. Пожалуйста, считайте, что я к вашим услугам, и еще раз благодарю вас за ваше доверие.*

*С уважением,  
Рен Сазерленд*

Влажные чернила поблескивали на странице. Это была прекрасная вещь, темная и предательская. Она не только проигнорировала приказы королевы, но и солгала ей. Когда Рен не явится на службу в шахты, Изабель достаточно скоро выяснит, где она находится. Но к тому времени, когда она это поймет, будет уже слишком поздно.

Дело было не только в том, чтобы заключить союз. Дело было не только в Уне или Байерсе. Дело было в ней. Побег сделает ее трусихой, но, по крайней мере, она станет свободной.

## 6

На третью ночь Рен вручили очередное красное письмо. Она дрожащими, переутомленными пальцами вскрыла его ножом для писем. Внутри лежала краткая записка.

*Вы действительно посланы Богиней. Будьте готовы выехать в сегодня в 08:00. Поездка будет ждать вас в миле по дороге, ведущей на запад от аббатства.*

– А

Волнение и страх одновременно поразили ее. Сегодня вечером было и слишком поздно, и слишком рано уходить. Она не подготовилась. Она не собралась. Она не решила, что сказать Уне.

*Уна.* Она написала Рен, что заедет в часы посещения сегодня вечером. Как Рен могла забыть об этом!

Всех молодых целителей отправляли в аббатство на обучение, прежде чем они примут монашество или вступят в армию. Перспективы сидеть в этой душной приемной, заполненной плачущими учениками, умоляющими свои семьи забрать их домой, было достаточно, чтобы вызвать приступ крапивницы. Кроме того, как ей теперь смотреть в глаза Уне? Заключить сделку с иностранным дворянином вопреки приказу королевы, пожалуй, самая худшая из всех плохих импульсивных идей Рен. Уна бросила бы лишь один взгляд на ее лицо и прочла на нем клеймо вины.

Стыд от того, что она снова разочарует Уну, вероятно, сломает ее. Рен не сможет попроситься и не сказать правды. А правду ей говорить точно не стоило. На протяжении многих лет Уна закрывала глаза на множество ее проступков – уклонение от ответов и неподчинение приказам, – но дезертирство наверняка станет последней каплей.

Как бы ни было больно, ее единственный вариант – ускользнуть незамеченной.

Прежде чем прозвенел колокол, ознаменовав часы посещения, Рен переделалась в гражданскую одежду: плиссированное платье, дорожную накидку с меховой подкладкой, ботинки и коричневые кожаные перчатки – и упаковала сумки, полные медикаментов и теплой одежды. Закончив, она прокралась по темным коридорам и вышла во внутренний двор, за которым наблюдали только убывающая луна и изможденные силуэты деревьев, согнувшихся, как старухи. Если бы Рен вышла через главные ворота, то привлекла бы слишком много внимания, поэтому она решила пойти другим путем. Она перебросила сумки одну за другой через стену внутреннего двора, морщась от глухих ударов.

Она сосчитала до десяти, но никто не пришел на шум.

Как сбежавший ребенок, Рен взобралась по шаткой решетке из плюща и перевалилась через стену. Она приземлилась на землю с другой стороны, удар ощутимо отозвался в коленях. Впрочем, у нее слишком кружилась голова от нервов и вкуса свободы, чтобы заикливаться на боли. Больше никакого удушья от благовоний. Больше не нужно ждать, пока кто-то другой решит ее проблемы. Больше никаких призывов к терпению.

Судьба находилась в ее руках.

Здесь, снаружи, все словно замерло. Заснеженные поля простирались на многие мили, посеребренные тусклым лунным светом, вдалеке виднелись только громоздкими черными очертаниями Нокейна. Ветер свистел в башнях аббатства. Холод пробрался под плащ, вонзил челюсти в кости. Он распространялся по конечностям медленно, как гниль, и если бы она оставалась неподвижной слишком долго, то наверняка замерзла насмерть.

Это была ночь, созданная для того, чтобы согреться, – такую ночь Рен и Уна могли бы провести в пабе, напившись глентвейна в компании друг друга. Она отогнала эти мысли. Размышления о том, чего у нее больше не было, не принесут ничего хорошего.

Взяв сумки, она направилась к дороге. От ее дрожащих выдохов лицо обдавали облачка пара, которые рассеивались под порывами ветра. Рен могла поклясться, что в снежных завитках видела лица, неясные в темноте. Однако на дороге не было ничего, кроме ночи и шепота полузамерзшей травы на ветру. Никого, кроме нее, путешествующей при холодном свете луны – и далеком свете фонаря, бросающего на снег оранжевый свет.

Ее повозка.

И все же Рен не могла избавиться от неприятного ощущения, что за ней следят. *«Это всего лишь паранойя»*, – убедила она себя. Даже звезды не наблюдали за ней сегодня вечером. Однако она четко слышала ритмичный хруст шагов по снегу, идеально совпадающий с ее шагами.

Нет, это не паранойя. Кто-то шел за ней по пятам.

– Рен?

Она узнала бы голос Уны где угодно.

Рен хотелось, чтобы земля разверзлась и поглотила ее целиком. Конечно, Уна перехватила ее. Конечно, она все испортит.

Превратив все свои аргументы в оружие, Рен повернулась к ней. Но каждое резкое слово растаяло у нее на языке, когда она увидела Уну, стоящую в белом сиянии луны. Рен ценила ее больше, чем собственную жизнь, и сейчас Уна смотрела на нее так, будто она сделала что-то ужасное. Как будто она специально причинила ей боль. Как будто она могла это сделать.

– Уна...

– Продолжим идти? – равнодушно спросила она. Рен ожидала гнева или, возможно, враждебности. Но безучастность напугала ее куда больше.

Не дожидаясь ответа, Уна взяла одну из сумок и продолжила идти вниз по дороге. Медали на безупречном черном мундире мерцали холодно, как иней.

– Тебя не было на часах посещения.

– Похоже, я забыла.

Уна раздраженно вздохнула.

– Что ты делаешь, Рен?

Рен сокрушенно обвела рукой поле вокруг них.

– Э-э... вышла погулять?

– Точно. – Уна перевела взгляд с сумки Рен на ее гражданскую одежду. Словно обращаясь к испуганной лошади, она сказала: – Я слышала, что случилось. Мы можем поговорить об этом.

– Что ты слышала? – Рен старалась казаться беззаботной, устремив взгляд прямо перед собой.

– Королева не должна была переводить тебя из аббатства. И как только поймаю Кавендиша, я прослежу, чтобы она прислушалась к голосу разума. Она восстановит тебя в должности и возобновит расследование. Вместе мы выясним, что произошло с Байерсом.

– Но что, если ты этого не сделаешь?

– В смысле не сделаю?

Рен остановилась и бросила сумку в снег. Теперь он падал густыми хлопьями, которые оседали на ресницах.

– Что, если ты не убедишь ее? Что, если ты вообще не найдешь Кавендиша? Или еще хуже... Что, если ты найдешь его и он убьет тебя?

Тень промелькнула по лицу Уны.

– Этого не произойдет.

– Ты не можешь гарантировать это.

– Как и ты, – резко ответила Уна.

– Значит, ты думаешь, что я покорно отправлюсь в шахты и буду ждать, как собачка, когда ты вернешься за мной?

– У тебя нет другого выбора. Просто потерпи...

– Я терпела. На этот раз я последовала твоим приказам, и посмотри, к чему это привело. – Рен сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Когда она закрыла глаза, перед внутренним взором возник шрам на руке Уны – единственное доказательство, которое ей было нужно, чтобы убедить себя в необходимости риска. – Королеву не волнует, что случилось с Байерсом и остальными. Грядет война. Но если я уйду сейчас, то смогу остановить это.

– Ты вообще слышишь себя? – прошипела Уна. – Ты бредишь. Я знаю, ты скорбишь, но это...

– Может, я брежу. – Рен вздернула подбородок. – Ты веришь мне?

В вопросе прозвучала невысказанная мольба: *«Выбери меня»*.

Последовавшее за этим молчание несло на себе тяжесть всех ее тревог. Зачем она вообще спросила это? Зачем подвергать себя мучениям, требуя ответа? В каждом болезненном ударе сердца звучало: «Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя». Рен надеялась стать сильнее, но сердце снова разбивалось вдребезги. Уна никогда бы не заботилась о ней так, как это делала Рен. Она всегда предпочла бы долг. Несмотря ни на что, именно такие верные солдаты, как она, доставляли дезертиров королеве.

– Просто скажи то, что хотела. – Рен повернулась к Уне, чувствуя себя маленькой и глупой из-за разницы в росте. – Хотя на твоём лице все и так написано.

– Ты совершаешь огромную ошибку.

– Так позволь мне совершить ее.

– Ты ведешь себя как ребенок. – Каждое слово Уны сочилось ядом. – Вернись в аббатство.

Сейчас же.

– Вы больше не можете отдавать мне приказы, майор. Меня перевели на другое место.

– Может, ты больше не под моим подчинением, но ты пренебрегаешь приказами королевы. – Теперь Уна стояла к ней нос к носу. – Если ты сделаешь еще один шаг вниз по дороге, я арестую тебя.

Снежинки, казалось, повисли в воздухе, как будто весь мир затаил дыхание. Рен вцепилась в ручку сумки, словно она могла помочь ей.

– Ты это несерьезно.

– Конечно, я серьезно. Если мне нужно выбрать между тем, чтобы держать тебя в безопасности в тюрьме или выслеживать как преступника, я однозначно выберу первое. – Глаза Уны сверкнули. – Почему ты это делаешь?

– Это моя последняя надежда.

– Это не так. Как я могу заставить тебя понять, что это вообще не вариант? Это смертный приговор?

*«Как и отправиться в шахты. Как и потерять тебя».*

– Если ты когда-нибудь хотела мне добра, отпусти и уйди с дороги.

– Нет. Если ты это сделаешь, если сбежишь, – королева отправит меня за тобой. – Уна была более подавленной, чем Рен когда-либо видела. Ее голос был хриплым, почти умоляющим. – Это моя работа. Ты думаешь, для меня это будет легко?

Рен не могла так поступить. Она не сможет уехать, если Уна сломается из-за нее. Но если Рен оттолкнет ее, может быть, это сделает все проще. Она зажмурила глаза и дала волю тем старым коварным страхам внутри.

*«Если ты оступишься, если ты больше не будешь ей полезна, она бросит тебя точно так же, как это сделала Изабель».*

*«Она не любит тебя, потому что ты обуза».*

– Честно? – спросила Рен. – Да. Готова поспорить, для тебя это будет облегчением.

Возможно, это была игра света или воображение Рен. Но на мгновение, в своих сапогах до колен и черном пальто с военной символикой, Уна выглядела не столько как солдат в форме, сколько как ребенок в костюме. Затем выражение ее лица стало суровым – словно остыла сталь.

– Я вижу, что с тобой нет смысла разговаривать.

Никакие мольбы, никакие попытки спровоцировать на эмоции не могли бы сейчас тронуть Уну.

– Как и с тобой.

Уна положила руку на эфес сабли. Металл вспыхнул, и в нем Рен увидела отражение белой пустоты вокруг. Сердце бешено заколотилось от страха.

*«Она действительно собирается драться со мной».*

– Подожди. Ты права. Я недостаточно тщательно обдумала план.

Уна не ослабила бдительности. Ее глаза горели едва сдерживаемой болью. Рен должна уехать, но могла ли она вот так расстаться с Уной? Ей следовало бы догадаться, что она не сможет выйти из Нокейна невредимой. Она построила свою жизнь вокруг Уны, любила ее, поклялась служить ей. Это крепко-накрепко связывало их вместе. Что нужно сделать, чтобы разорвать такую связь?

– Я вернусь в аббатство. – Голос Рен дрогнул. – Я даже пойду в Башню, если ты этого хочешь.

Холодный ветер пронесся по полю, взлохмачивая волосы Уны. Снег кружился вокруг, сверкая, как рассеянный звездный свет. Расстояние между ними казалось непреодолимым.

Уна опустила руку.

– Нет, просто позволь отвести тебя в аббатство.

– Спасибо. – Рен сделала шаг вперед, бросила сумку и заключила Уну в крепкие объятия. – Я люблю тебя.

– Рен, – хрипло произнесла Уна. Именно это подтолкнуло Рен к итоговому решению. Звук голоса подруги, такой нежный и в то же время напряженный. Соппротивление в ее мышцах – отпрянуть назад или притянуть ближе.

Рен обхватила затылок Уны дрожащими руками. Спинной мозг – нежная вещь, яйцевидный очаг нервов и магических каналов. Малейшее энергетическое нарушение может сокрушить всю нервную систему. Было запрещено использовать Исцеляющее Прикосновение, чтобы причинить вред другому человеку. Но чтобы защитить друзей – остановить эту войну, – ей нужно было нарушить несколько правил.

Рен направила магию на шейный отдел позвоночника Уны. Та отпрянула, и Рен мельком увидела пугающую искру в ее глазах. Она видела ее много раз. На встречах с начальством – с теми, кто рассматривал звание как компетентность. На тренировочной базе, когда другой целитель заставил Рен плакать. На войне, когда товарищи падали рядом с ней в лужу собственной крови.

Ярость.

Именно тогда Рен поняла, что Уна никогда не простит ей этого. Когда-нибудь Тройственный Закон потребует своего воздаяния. Когда Уна без сознания рухнула в ее объятия, Рен показалось, что из нее вырвалось что-то жизненно важное. Было больно, но раны не было. Ничего, что она могла бы исцелить.

Рен положила руку Уны себе на плечи. Она сделала неуверенный шаг и чуть не рухнула на землю. Богиня небесная, Уна оказалась тяжелее, чем она помнила, – плотная, мускулистая и отягощенная всеми регалиями. Неужели они начали изготавливать эти медали из свинца?

Рен обернулась, дрожа от нервов и холода. Она прошла всего четверть мили от аббатства, прежде чем Уна перехватила ее. Даже отсюда она видела неодобрительный взгляд Девы из круглого окна.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Рен дотащила Уну до ворот. Ее дыхание сбивалось на прерывистые вздохи. В конце концов кто-то наткнется на нее, но она не могла надолго оставить Уну здесь, на холоде. Закусив губу, она опустила подругу на землю и прислонила ее к стене. Без сознания, с приоткрытыми губами и темными волосами, падающими на лицо, она выглядела молодой и хрупкой. И такой красивой. Ее кожа почти блестела в серебристой ночи.

– Прости, Уна. – Слезы не давали видеть мир ясно. Она заправила прядь волос Уны ей за ухо. – Мне так жаль.

Рен позвонила в колокол ворот, а затем убежала.

Она чуть не споткнулась, когда остановилась, чтобы схватить сумки, брошенные рядом со следами Уны на снегу. С каждым шагом багаж натирал пятки. Плечи протестующе болели, и морозный воздух, казалось, врезался в легкие с каждым паническим вдохом, но она не замедлила шаг, пока не увидела экипаж – стеклянную карету с открытым передом, освещенную мерцанием фонаря.

Карета стояла рядом с черным изгибом реки Мури – бурлящим зеркалом, в котором отражался бледный свет луны. Четыре белые лошади, запряженные в нее, фыркали, их дыхание поднималось вверх, как дым от погасшей свечи. Рядом стоял мужчина лет пятидесяти, одетый в поношенное коричневое пальто и высокую шляпу.

– Мисс Сазерленд? – спросил извозчик, явно взволнованный ее появлением. – Я начал волноваться, что вы заблудились.

– Не заблудилась, – прохрипела она. – Просто задержалась. Простите.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – растерянно спросил он, пока она складывала вещи в карету. – Кстати, меня зовут Бэзил.

– Очень приятно. – Рен открыла пассажирскую дверь. – Нам нужно ехать. Сейчас же.

Он оглянулся через плечо, покосившись на аббатство вдалеке.

– Точно. Я повезу нас так быстро, как смогу. Надвигается буря, и мы не доберемся до поместья, если будем медлить.

Рен забралась в карету и захлопнула за собой дверь. Бэзил занял место на козлах и щелкнул поводьями. Лошади поскакали галопом в снегопад и сумрак. Уне потребуется несколько часов, чтобы проснуться, и еще несколько, чтобы до нее дошла весть об исчезновении Рен.

К тому моменту уже поднимется буря, а Рен будет далеко.

Рен прижалась лицом к окну. Она едва узнавала свое отражение. Хотя у нее остались те же густые брови и тот же широкий лоб, измученная девушка, смотревшая на нее, была дезертиром.

Рен чувствовала себя мертвой от усталости, но прерывистое дыхание давало понять, что, несмотря ни на что, она жива. Без Уны, без работы, но она все еще была Рен. Рен, состоящая из всех худших, непривлекательных сторон самой себя. Но все еще Рен.

## 7

После беспокойного сна Рен обнаружила, что ее сердце зарубцевалось. Этого не было достаточно, чтобы почувствовать себя приемлемо, но хватало, чтобы окончательно не сломаться. Чтобы избавиться на время от чувства вины, чтобы не разорваться на части, ей необходимо чем-то себя занять. Поэтому она позволила своему вниманию переключиться на насущные потребности. Она заметила, что замерзла, проголодалась и устала от многочасового сидения, прислонившись к дверце кареты. По крайней мере, одно из этого она может исправить. С помощью импульса исцеляющей магии она избавилась от боли в мышцах. Это была лишняя трата магии, но покалывание на кончиках пальцев наполнило ее облегчением. Она все еще обладала магией. Ее не подвергли Разрыву. Она не в шахтах.

Она свободна.

Обещанная Бэзиллом буря еще не поднялась, хотя серые тучи сгустились на небе. Другой возможности отдохнуть у них не предвидится, поэтому они свернули в небольшой керносский городок, расположенный всего в нескольких часах езды от поместья Лоури. Это была просто кучка домов, сгрудившихся на склоне горы, как черепица на наклонной крыше.

Они остановились в единственной гостинице «Путеводная звезда». Под ее радостно дымящейся трубой висела табличка с выгравированным на ней комично-блаженным изображением Богини. Она баюкала уродливую маленькую звездочку, которая, как предположила Рен, дала название гостинице. Но самым странным было то, что гостиница ярко горела – не газовыми лампами или светом камина, а резким свечением, как по волшебству.

– Как они это сделали? – спросила Рен Бэзила, пока они отводили лошадей в стойло.

Он, прищурившись, взглянул на табличку.

– С помощью электричества.

– Электричества, – повторила она. – Как оно работает?

Он казался озадаченным.

– Трубы, провода и генераторы. Боюсь, я не силен в науке.

Рен настороженно взглянула на вывеску, прежде чем Бэзил позвал ее за собой. Он заговорил, попутно распрягая лошадей:

– Мне просто нужно немного поесть и поспать, а потом мы снова двинемся в путь. Я не хочу, чтобы нас застала буря. В это время года хороший снег, он не растает до весны.

Весна наступит только через несколько месяцев. Никто не сможет прийти за ней в ближайшее время.

В своем номере Рен развлекалась, щелкая выключателем, сменяя свет тьмой снова и снова. Затем, когда совсем запуталась, пытаясь понять, как это работает, она села согреться у камина. Его ослепительный свет заливал комнату мягким туманным сиянием. После жесткой поездки ей хотелось побыть в тепле и расслабиться.

Не прошло и минуты, как желудок начал скручиваться в тревожные, виноватые узлы. Она была беспокойной натурой, как слишком часто напоминала ей Элоиза, и, если не займет себя чем-нибудь, горе достигнет ее. Ей нужно было убить всего несколько часов, так что она решила перепроверить свои запасы. Она достала аптечку – тонкую кожаную сумку – и опустила на колени на покрытый ковром пол.

В то время как большинство целителей полагались на магию, Рен знала, что по-настоящему великий врач не может зависеть только от нее. Ей нравилось готовиться ко всему и вся, и она придерживалась научного пути, изучая ядовитые растения и разрабатывая лекарства, которые могли бы помочь пациентам. Верующие целители тем временем считали себя практикующими божественное искусство. Псалмы и Священные Писания рассказывали о первой

королеве, которая связала себя с Богиней. Тронутая ее преданностью, Богиня благословила ее частицей своей божественности: даром возрождения.

*«Молитвы добрых и праведных – могущественные вещи, – провозглашалось в Книге Морган. – Поклоняйся Богине, и она заберет твою болезнь, твои страдания».*

Но магия по своей сути была не чем иным, как рецессивным признаком, который позволял манипулировать энергией, протекающей через фолу, – энергией, которая связывалась с рецепторами в клетках тела. Некоторые теории утверждали, что магия целительства была древнейшим видом, который давал ее практикующим способность вызывать клеточную регенерацию и аутолиз. Со временем она превратилась в более разнообразные, специализированные отрасли, которые варьировались от семьи к семье. Магия, подобная магии Байерса, которая утолщала кости. И магия как у Хэла Кавендиша.

Магия весрианцев работала так же, как и магия данийцев, хотя столетия суеверий рисовали их как нечто потустороннее и злое. Их магические родословные были древними и могущественными. Они заключали браки, чтобы сохранить их – во всяком случае, так хорошо, как могли. Кавендиши почти вымерли, и Хэл был первым, в ком проявилась магия за два поколения. Никто точно не знал, как работают его способности, – вскрытия жертв показали только разрушенный мозг, как будто всего один его взгляд был нейротоксичным. Рен содрогнулась при воспоминании о нем: его глаза были черными, а фолы на висках светились серебром, как шрамы.

Она положила несколько флаконов обратно в сумку и осмотрела остальную часть комнаты. Она была простой, но удобной: полы из цельного дерева, пуховый матрас, занавешенное окно с видом на зубчатый голубой хребет гор Драмлах. Там был даже шкаф, набитый одеждой для маленького мальчика. Ранее, когда пришел хозяин, чтобы принести ей чайник чая и кусочек пряного торта, Рен спросила, есть ли у него сын.

Сначала он был совершенно озадачен, услышав акцент Рен. А после того как она повторила вопрос, стал выглядеть напуганным.

– Нет. Здесь только я и мой близкий человек.

Гостиница в самом деле была совершенно пуста. Тишина нервировала ее, как будто буря собиралась над всем миром. Ранее она бродила по коридору и останавливалась перед каждой дверью. Не было слышно ни звука. И все же казалось, что за ней *наблюдают*.

Даже сейчас.

Когда ощущение мурашек стало невыносимым, она поднялась с кресла и вышла в коридор. Плотнo завернувшись в дорожную накидку, Рен выскользнула через заднюю дверь на улицу. Клены с белой корой и крепкие вечнозеленые растения цеплялись за скалы, а вокруг нее, насколько она могла видеть, высились бледные горы.

Короткая прогулка по территории привела ее к огороженному саду, наполовину занесенному снегом. Владельцы, должно быть, были амбициозными садовниками, потому что он был более странным и красивым, чем все, которые она видела до этого. Яркие цветы росли в железных клетках, словно плененные яблоки. С деревянной вывески у ворот на нее уставился череп.

Его значение было ясным: не входить, опасно. Но Рен не смогла удержаться, чтобы не зайти внутрь. Порыскать в ядовитом саду керносцев было слишком хорошей возможностью, и любой целитель не мог ее упустить. Недостаток Керноса в магии компенсировался суровым ландшафтом и еще более суровой флорой.

Рен толкнула ворота, холодный жесткий металл обжег ладони. Она прошла по аккуратным садовым рядам, каждый из которых был отмечен табличкой. Там были смертоносный паслен и осенний крокус, чистотел и китайская ягода, золотарник и жимолость, болиголов и тис. А в центре росла кровь Богини, пробивающаяся сквозь тонкий слой снега. Рен присела

рядом на корточки и полюбовалась перепончатыми сине-фиолетовыми лепестками, благоговейно склоняющимися над стеблями.

Кровь Богини занимала видное место в данийских мифах. Говорили, что Богиня влюбилась в мужчину. Однажды ночью, пока она спала, он отрубил одну из трех ее голов. Однако он не знал, что она не могла умереть от раны. Кровь Богини проросла из лужи ее крови, становясь смертоносной из-за горечи и печали от предательства этого мужчины. Однако в Керносе это растение означало совершенно другое. Предупреждение всему остальному миру.

Несколько месяцев назад Рен прочитала в газете статью о всемирной выставке искусств и наук. Кернос продемонстрировал газ, пропитанный эссенцией крови Богини. Хотя Кернос никогда не видел войны из-за непроходимых гор и тщательно соблюдал нейтралитет, Рен могла понять необходимость принятия мер предосторожности. Ее сердце сжалось, когда она вспомнила рассказ о лабораторных крысах, умерших в течение нескольких секунд от этого газа. Людям, скорее всего, понадобится минута или две. Если только кто-нибудь не разработал противоядие.

Кровь Богини росла только в суровом горном воздухе, настолько необычном и странном для Дану, что волнение от ее изучения заглушило угрызения совести Рен. Конечно, никто не возразит, если она возьмет образец. Она поставила медицинскую сумку на землю и натянула перчатки. Она выдернула цветок из полузамерзшей грязи. С клубня, похожего на толстую вену, капала свернувшаяся земля. Как только она положила образец в сумку, на нее упала тень.

Рен обернулась и прищурилась, вглядываясь в безжалостно белое небо. Как только ее глаза привыкли к свету, очертания хозяина гостиницы обрели четкость. Он был круглым добрым мужчиной, но то, как он смотрел на нее... Он выглядел испуганным.

– Что вы здесь делаете?

– Ничего! Я просто... – Лицо Рен вспыхнуло от смущения. Хотя она и не ожидала, что ее поймут, ей следовало сначала спросить разрешения. Сейчас она не представляла родину в плохом свете. «Вот такая дипломатия получилась».

– Я целительница. Я изучаю яды.

– Вы не можете изучать их здесь, – рыкнул он. – Это моя собственность, а не учебный класс.

– Простите. Я... – Рен пыталась подобрать слова. – Я могу заплатить за образец.

– Нет-нет. – Мужчина потер переносицу. – Все нормально. Вы не знали. Просто идите внутрь, прежде чем накличете здесь на себя смерть.

Рен приказывала ногам двигаться, но они словно приросли к месту. Почему он выращивал все это? Какая польза простым людям от самого смертоносного яда в мире? Вопросы крутились на языке, когда она поймала его взгляд, направленный мимо нее, вниз, на пятно крови Богини.

– Пожалуйста. Идите внутрь. – Его голос был таким тихим, что Рен почти не расслышала слов. Однако выражение его лица запечатлелось в ее сознании. Его глаза остекленели, кожа стала призрачно-бледной, как будто он замерз до смерти прямо перед ней. – Идите.

Рен побежала обратно в гостиницу. Ей казалось, что тысячи глаз наблюдают из тени. Она подумала, что чем скорее они доберутся до поместья Лоури, тем будет лучше.

## 8

В полдень они продолжили свой извилистый путь в гору. Поскольку за окном не было ничего, кроме темноты и шквалистого ветра, Рен оставалось только гадать, каким человеком будет ее пациент. Она привыкла иметь дело с трудными подопечными – солдаты не хотели подпускать кого-либо, особенно целителей, близко. Частично это было объяснимо. Все слышали о целителях, которые в критических ситуациях прижигали не ту артерию. Но сейчас ее пациент был обычным человеком, работающим на дворянина, а не солдатом. Может быть, он будет приятным.

День постепенно клонился к вечеру, температура падала. Они проехали через лощину, где скелетообразные деревья склонялись над дорогой, их ветви сжимались, как скрюченные пальцы, а узловатые отверстия смотрели на нее, как покрытые коркой глаза. Все выглядело так же, как и раньше. А вдруг они ездят кругами? Было слишком легко представить, что они заблудились в этом бесконечном дрейфующем бело-сером мире. Она доверяла Бэзилу, но после того случая в гостинице беспокойство преследовало ее по пятам. Рен открыла окно и спросила:

– Как вы понимаете, куда ехать?

Бэзил бросил на нее многозначительный взгляд через плечо.

– В это время года есть только один путь между Дану и Керносом, так как большинство горных дорог закрыты на зиму. Не позволяйте никому говорить обратное. Как еще, по-вашему, наши границы удерживались в течение последней тысячи лет?

С наступлением темноты деревья расступились и вдалеке загорелись огни города. Далеко над ним вырисовывались неровные очертания поместья. Шпиль на вершине торчал из вихрящегося снега, как сломанная кость.

– Мы туда направляемся? – спросила Рен, перекрикивая ветер.

– Да, – ответил Бэзил. Его голос прозвучал более мрачно, чем раньше. – Нам нужно проехать еще немного.

Рен не могла представить себе более изолированного места. Она уже тосковала по смогу, размаху и шуму Нокейна. Рен не была девушкой, созданной для одиночества: отрезанность от мира давала ей слишком много поводов для беспокойства.

Она прижалась лицом к окну. Холодное стекло кусало лоб, пока она выискивала признаки жизни. Однако было так поздно, что, вероятнее всего, все жители города скрылись в домах со своими близкими. Сегодня вечером Рен окажется в ловушке с умирающим мужчиной и его работодателем. Она лишь надеялась, что Лоури в самом деле гостеприимный хозяин, как о нем говорили.

– Скажите, как бы вы описали лорда Лоури?

Бэзил задумался.

– Он эксцентричный.

– В хорошем смысле?

– Я предпочитаю более заурядных людей. – Он бросил взгляд на запорошенное снегом поместье вдалеке. – Я считаю себя здравомыслящим человеком, мисс Сазерленд, но те истории о доме...

Рен нахмурилась.

– Какие истории?

– Не очень хорошие, – ответил Бэзил. – Некоторые называют это невезением. Вам наверняка скажут, что там обитают призраки.

*Призраки.*

Это абсурд. Рен не верила в призраков – даже не думала о них с тех пор, как была ребенком. Некоторые из сестер считали, что призраки живут в колокольне аббатства, и подна-

чивали друг друга пробраться туда в бесконечные зимние ночи. В большинстве случаев они выдерживали всего минуту, прежде чем с визгом сбегали вниз по лестнице. Это было всего лишь игрой. Глупости от скуки и гиперактивное воображение, как часто говорила им Элоиза. *«Богиня дарует новую жизнь тем, кто умирает, – сказала бы она. – Привидений не существует».*

Для Рен и это было бредом. Теперь уже она хорошо знала, что никто не возвращается из лап смерти.

– А что бы сказали вы, будучи благоразумным человеком? – спросила она.

– Я не знаю. Однако в Колвик-Холл действительно что-то происходит.

Карета с грохотом выехала на лесную дорогу как раз в тот момент, когда снегопад усилился. Подняв глаза, сквозь чернильную тьму Рен увидела ветви деревьев, раскинувшиеся над ней, словно разветвляющаяся сосудистая система легких. Их стволы были согнуты посередине, как будто они отшатывались от чего-то погребенного под сугробами. Наблюдая за этими мрачными горами, Рен почти поняла, почему люди видели духов в этих бурях.

Как бы ей ни хотелось посмеяться над Бэзиллом, в памяти всплыл старый фольклор, о котором шептались в комнатах учениц. Ей снова будто было семь лет, и она дрожала под одеялом, натянутым до ушей. *«Чтобы изгнать призрака, – говорила сестра Бернадетт, а в ее глазах дико мерцал отблеск свечей, – ты должна сказать ему: “Это место принадлежит живым, и оно больше не ваше”».*

Они двигались в тусклом мерцающем свете фонаря, пока не достигли конца тропинки. Она была перегорожена массивными воротами, по бокам которых возвышались каменные постаменты. Поперек кованой железной арки было выгравировано название: *«Колвик-Холл».*

Бэзил остановился, чтобы открыть ворота. С петель на снег посыпалась ржавчина и окрасила его в красный цвет. Что-то привлекало внимание Рен к Колвик-Холлу. Может быть, дело было в его огромных размерах или в том, что на расстоянии его силуэт был абсолютно черным. На фоне голой заснеженной земли поместье Алистера Лоури казалось еще одной горной вершиной.

Когда Бэзил остановил карету на подъездной дорожке, Рен спустилась на землю, наслаждаясь хрустом затекших суставов. У нее едва хватило времени осмотреться, прежде чем Бэзил достал багаж и подтолкнул к ней. Ранее вежливый и обходительный, сейчас он был торопливым и отстраненным, уже забираясь обратно на козлы.

– Вы не хотите зайти внутрь погреться? Или немного отдохнуть? – спросила она.

– Нет. – Его ответ определенно прозвучал более резко, чем ему хотелось, потому что следом он выдавил виноватую улыбку. – Спасибо, мисс Сазерленд. Это очень мило с вашей стороны, но мне нужно вернуться домой до того, как погода испортится.

*«Не оставляйте меня здесь одну»*, – хотела попросить она. Бэзил взглянул на дом, словно он был проклят. Даже лошади наострили уши, били копытами по земле и вздымали тучи снега.

Рен сглотнула рефлекторный детский протест и вместо этого вяло махнула рукой:

– Счастливого пути.

– Спасибо, – поблагодарил он. – А вам удачи.

Он дернул поводья, лошади тронулись с места, и Рен осталась одна.

Она стояла по щиколотку в снегу, запорошившем сад, если это вообще можно было назвать садом. Это было всего лишь переплетение ветвей, покрытых льдом, словно странные лабораторные образцы. Рен повернулась к своему новому дому с его хмурыми фронтонами и карнизами, с которых капали злые сосульки. Дом, казалось, смотрел на нее с бельведера<sup>4</sup>,

---

<sup>4</sup> Бельведер – надстройка над зданием, например башня с широкими застекленными или открытыми проемами. (Прим. ред.)

примостившегося на чешуйчатой крыше. От этого волосы у нее на затылке встали дыбом. Кто-то стоял *там* и наблюдал за ней. Она чувствовала это. Но все окна были пустыми и черными, словно крылышко жука.

«*Бояться дома – это так глупо*», – упрекнула она себя. Это был всего лишь растаявший снег, просачивающийся в ботинки. Просто странное поведение Бэзила, наполняющее сердце страхом.

Когда снегопад усилился, закрывая ей обзор и запутываясь в волосах, Рен занесла сумки на крыльцо. Сводчатая арка из железа прикрывала вход во внушительные двойные двери, а в металлическом плюше виднелись искаженные страданием лица и рычащие горгульи. Собравшись с духом, она схватила железный дверной молоток. Он обжег голую ладонь резким холодом. Рен подняла его и позволила ему упасть со *стучком*, заглушенным толстым слоем снега. Из поместья не доносилось ни звука. Она могла бы закричать, если бы захотела.

Никто бы все равно не услышал ее.

Спустя минуту двери открылись, и на пороге появилась девушка лет двадцати, освещенная светом канделябра. Четыре свечи горели ровно, едва колыхаясь на ветру, который трепал плащ Рен. Глаза девушки были скрыты тенями, но ее взгляд обжигал, горячий, как капля воска, капающая на истертые половицы.

– Лорд Лоури ожидал вас несколько часов назад.

«*Какое гостеприимство*».

– Прощу прощения. Погода задержала нас.

Служанка не отрывала взгляда от плеча Рен. Не сказав больше ни слова, она взяла сумки и вошла внутрь. Рен ничего не оставалось, кроме как последовать за ней. Переступив порог и оказавшись во мраке, она почувствовала себя так, словно ее проглотили заживо.

Внутри было едва ли теплее и светлее. В мерцающем свете свечей Рен разглядывала громадный зал, его поразительную пустоту. С того места, где она стояла, потолок возвышался над ней примерно на три этажа. Если бы она вытянула шею, то увидела бы, как луна, узкая и изогнутая, словно игла для наложения швов, заглядывала в три окна, расположенных вдоль задней стены. Парадная лестница вилась вдоль мрачных синих стен, опоясанная перилами из полированного дерева цвета влажной почвы. Все, что находилось за пределами зыбкой досягаемости канделябров, расплывалось, как будто дом дышал и шевелил тени.

Все было совсем не так, как она представляла, – здесь было так тихо и одиноко. Где пышные вечеринки и сплетничающие придворные? Где армии слуг, несущих блюда с пирожными и чайники с чаем? Здесь не осталось ни красоты, ни жизни.

Прямо перед ней в камине горели красные угли. Справа вход в коридор был завешен массивным потертым гобеленом. Сквозь него дул сквозняк, неся с собой сугробы снега, которые проникали в главный зал, как дым. Неудивительно, что все здесь заболели. От ее дыхания изо рта вырывался пар.

– Следуйте за мной, – сказала девушка. – Я отведу вас к нему.

Она провела Рен вверх по лестнице и свернула в коридор на втором этаже. Пока они шли, свет свечей скользил по рваным краям облупившихся обоев в цветочек и рядам портретов в рамах. В неровном свете улыбки нарисованных людей превращались в насмешки, а настороженные глаза тускнели, пока не становились похожи на впалые глазницы черепа. Вздвогнув, Рен сосредоточила внимание на спутнице. Распушенные каштановые волосы девушки ниспадали свободными блестящими волнами и оттенялись простым платьем. Свет свечей заливал ее красновато-коричневую кожу сиянием, подобным рассвету. Она казалась слишком молодой, чтобы быть главной служанкой, впрочем, Лоури сказал, что большая часть его персонала умерла от лихорадки.

– Кстати, меня зовут Рен Сазерленд. Очень приятно познакомиться с вами.

– Ханна, – ответила она. Они остановились напротив двери. – Лорд Лоури примет вас здесь. Когда закончите, поднимитесь на этаж выше. Ваша комната за последней дверью справа.

– А комната больного?

– Прямо напротив вашей.

– Спасибо. Я...

Ханна уже ускользнула и свернула за угол. Рен оказалась в темноте, коридор освещался только светом, пробивавшимся из-под двери. В другое время грубость служанки, возможно, разозлила бы ее, но сейчас Рен не чувствовала ничего, кроме волнения.

Она тихонько постучала, прежде чем войти. За дверью оказалась библиотека. В ней царил торжественная атмосфера музея. Настенные бра горели жутким электрическим светом, но в комнате все равно царил полумрак, а воздух был густым от пыли. Над потолком виднелись деревянные балки, оплетенные медной проволокой и усеянные керамическими набалдашниками. «Трубки и провода», – сказал ей Бэзил, когда она спросила о том, как работает электричество. Должно быть, именно это придавало огням их странную силу.

Тяжелые красные шторы закрывали все окна, а набитые чучела зверей висели на задней стене. Между грызунами и птицами были насекомые, прикрепленные к стене за крылья, как мрачные мозаичные плитки. В центре, на почетном месте, располагалось чучело оленя с двенадцатью рогами. Он был еще не закончен: ему не вставили стеклянные глаза, и он наблюдал за происходящим сквозь зияющие глазницы.

Две другие стороны комнаты были отгорожены книжными шкафами от пола до потолка, на каждой полке стояли книги о магии, учебники по медицине, светские сборники эссе, философские трактаты, истории древних данийских святых. Что бы она ни ожидала найти в керносской библиотеке, это явно было не то. Она могла бы провести здесь вечность, читая все эти книги. У аббатства никогда не было средств, чтобы закупать дорогие тома. Ее приятное удивление, однако, сменилось недоумением, когда она заметила среди коллекции книгу «*Наука магии: теория хирургической техники*» – старый медицинский учебник. Какая польза для денди из страны, где нет магии, от чего-то подобного? Рен вытащила книгу и стряхнула с нее пыль.

– Грудь Богини! Я не увидел вас. Вы до смерти меня напугали.

Рен резко обернулась и увидела Алистера Лоури, прислонившегося к дверному косяку. Он смотрел на нее широко раскрытыми глазами, положив руку на сердце. Лоури был красным: начиная от розовых щек и заканчивая ярким жилетом и кольцами с рубинами, отражающими свет на его пальцах. На конце цепочки на шее висел сверкающий золотой ключ с символом Керноса: оленьими рогами. На вид ему было почти тридцать, у него были темные вьющиеся волосы и ямочка на квадратном подбородке.

Рен склонила голову, чтобы спрятать румянец смущения, который, несомненно, расцвел на ее носу. Он не только застучал ее за тем, что она рылась в его вещах, но и увидел ее такой... потрепанной. Впрочем, ее дорожный костюм вполне годился для королевской аудиенции. Она споткнулась и присела в реверансе.

– Простите, что напугала вас, милорд.

– Нет-нет, не извиняйтесь! Это не ваша вина. В последнее время из-за всей этой чепухи, из-за *болезни*, мои нервы так расшатаны, я... – Он резко замолчал и покачал головой, а затем заговорил чуть веселее: – Но хватит об этом. Я плачу вам недостаточно, чтобы обременять своим беспокойством.

– Все нормально. Я не возражаю.

– И тем не менее, пожалуйста, позвольте оказать вам более теплый прием. – Лоури вошел в комнату, драматично взмахнув плащом. Когда он приблизился к ней, она почувствовала теплый запах: кофе и пряности. Он напоминал то самое тепло позднего лета, которое слишком быстро исчезло. В шлейфе было что-то ледяное и немного цветочное, похожее на стерилизующие химикаты.

Он возвышался над ней, и, если бы не открытое выражение лица, она назвала бы его подавляющим, почти пугающим. И все же она почувствовала, что волнуется. Его улыбка была похожа на воздушный насос. Он словно высосал весь кислород из комнаты. С поклоном он протянул ей руку.

– Алистер Лоури, к вашим услугам.

Рен приняла протянутую руку.

– Рен Сазерленд. Очень приятно с вами познакомиться.

– Взаимно. Не могу не сказать, как сильно я рад, что вы здесь. В последнее время это место стало таким одиноким и жутким.

– Могу только представить. – Рен нахмурилась. – Похоже, болезнь довольно серьезная.

– Если честно, я стараюсь не думать об этом. Целители предупредили меня, что я доведу себя до параноидальной лихорадки. – Он взглянул на книгу в ее руке и добавил: – Ах. Вижу, библиотека произвела на вас огромное впечатление.

Рен смущенно положила книгу на место.

– Верно. У вас весьма впечатляющая коллекция.

– Боюсь, это не моя заслуга. – Лоури обреченно обвел рукой библиотеку: все ее темные углы и тарашившиеся чучела. – Хотя я и интересуюсь наукой, но все это досталось мне от отца. Если бы он до сих пор был жив, я уверен, он бы возразил и назвал это место простоватым.

Никто бы не назвал его простоватым. В его распоряжении была почти вся коллекция медицинских и магических знаний. Если бы Рен могла свободно читать книги из этой библиотеки, она бы умерла счастливой.

– Ваш отец был ученым?

– О да. На самом деле в свое время он был довольно радикальным человеком. Он интересовался биологией магии. Я считаю его одержимостью всего лишь завистью. Он жаждал того, чего не имел. Такова жизнь.

Рен слабо представляла себе жизнь без магии. Родиться в стране без нее казалось ужасной участью. Несправедливой. Генетика керносцев снабдила их полностью функционирующим, но недоступным набором *фолы*. Биологическая энергия, которая производила магию, текла через них, но они просто не могли превратить ее во что-нибудь полезное.

– Что ж. – Рен прочистила горло, неуверенная в том, что стоит сказать. – В любом случае она восхитительна.

– Вы можете изучать книги в любое удобное время. – Лоури рассеянно провел рукой по полке и вздохнул, когда кончики его пальцев посерели от пыли. – Этому месту требуется немного внимания. Здесь такая... удручающая атмосфера. Довольно мрачная и безвкусная. Хотя у меня есть определенная привязанность к ней, но просто я сам мрачный и безвкусный. Видимо, это семейное.

Рен позволила своему взгляду блуждать по малиновому драгоценному камню, свисающему с мочки его уха, черному плащу, накинутому на плечи, приколотой гранатовой броши.

– Ох нет. Совсем нет.

– Вы милая – и слишком любезная. Но я серьезен. Берите все что хотите. Я собирался выкинуть все его вещи много лет назад, но не смог заставить себя это сделать. Теперь боюсь, что из-за этого жизнь ускользает от меня. Когда я не смог выполнять свои социальные обязательства, все, кроме самого дорогого друга, бросили меня. Дом разваливается. Все мои слуги умирают. – Когда он глубже зарылся в подбитый мехом воротник, то стал похож на грустную распушенную птицу. – И вот я снова нагружаю вас своими тревогами. Мне нужно выпить. Хотите со мной?

– Нет, спасибо.

Пожав плечами, Лоури подошел к барной стойке рядом с письменным столом, отделанным золотом, и налил в стакан бренди из хрустального графина. Хотя его тон был легким,

а слова беспечными, Рен видела отчаяние, которое поглотило всю его прежнюю игривость. Его глаза потускнели и стали абсолютно черными. Возможно, в нем было нечто большее, чем говорили люди, – может быть, даже немного доброты, раз уж он настолько переживал за своих слуг, чтобы вызвать ее.

– Я представляю, как вам было трудно в последнее время.

Услышав эти слова, он снова пришел в себя, и его улыбка прогнала затянувшийся мрак.

– Прошу прощения, мисс Сазерленд! Со мной все будет нормально. Вам не нужно позволять мне утомлять вас болтовней. Подходите, садитесь. Нам нужно кое-что обсудить.

Рен проследовала за ним к письменному столу и села напротив него. Мельком она заметила свое измученное отражение в полированной поверхности стола и отвела глаза.

– Вот мое предложение. – Он аккуратно обхватил руками бокал с бренди, все его кольца мерцали в тусклом свете. – Я устал быть усталым. В следующем месяце я планирую совершить грандиозное возвращение в общество и устроить ежегодное празднование зимнего солнцестояния. Рискую показаться тщеславным, готов сказать, что это одно из самых посещаемых и освещаемых событий года. И осмелюсь предположить, что в этом году оно будет еще более грандиозным. Люди скучали по мне.

– По вам скучают даже в Дану, – согласилась Рен. – В прошлом году в светской хронике я читала только о ваших вечеринках. Теперь им не о чем писать.

– *Правда?* – Он оживился. – Что они писали?

– Я... Хм-м...

– Нет-нет. Забудьте. Вернемся к теме. – Он слегка взболтнул жидкость в бокале. – В любом случае. Как я упоминал в письме, среди знати Керноса ведутся жаркие споры по поводу заключения союза с данийской короной. Я планирую представить вас своему кругу в качестве официального дипломата, который будет обеспечивать связь между Керносом и Дану.

– Меня? – удивилась Рен. – Дипломатом?

– Да, вас. Вы будете великолепны! От вас вряд ли потребуются какие-то усилия. Вы надеваете платье, которое потом еще несколько недель будет занимать каждого слюнтявого папарацци на континенте. Мы будем танцевать. Выпьем. Пообщаемся. Как только я разберусь с утомительной бумажной работой, все, что вам нужно сделать, – это доставить послания Керноса вашей королеве. Вы предстанете перед правительством, и вас, конечно же, восстановят в должности. Что вы на это скажете?

Это прозвучало слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Слова Изабель эхом прозвучали в голове: *«Ты безрассудная. Ты чересчур эмоциональная. Тобой легко манипулировать. С твоим послужным списком ты скорее начнешь войну, чем закончишь ее».*

– Я совсем не дипломат, – пробормотала она.

– Чепуха! – Он подмигнул ей. – Думаю, вы идеальная кандидатура.

Столько всего могло пойти не так. Однако Изабель не сможет игнорировать ее, когда Рен доставит дипломатическое послание из Керноса. Как не сможет игнорировать и то, что Кернос связался с королевским бастардом из-за нее.

Это было *слишком* хорошо, чтобы быть правдой, но какое же она получит удовольствие, когда собьет спесь с тети. Рен не смогла сдержать улыбку.

– Я согласна.

– Именно это я и хотел услышать. – Достав перо из чернильницы, Лоури расписался на листе пергамента и подвинул документ через стол к Рен. Она узнала изящный почерк из письма. – У меня есть хороший друг, герцог Мэттонви, он и его адвокат составили договор. Я подумал, что так, возможно, вы будете чувствовать себя более защищенной. Я понимаю, что ваше положение довольно шаткое.

Договор в самом деле развеял ее сомнения. Поскольку в последнее время мир, казалось, рушился у нее в руках, она ценила все прочное, за что можно было держаться. Она взяла у него ручку и начала читать. Преамбула была всего лишь стилизованным, чрезмерно раздутым канцеляризмом, но она концентрировалась на основах: обещания гарантировать пропитание и убежище. Но условия ее соглашения заставили задуматься. Они казались... ограничивающими.

*Я, Рен Сазерленд, согласна со следующими условиями:*

*1. Я обязуюсь предоставлять подробную информацию о ходе лечения пациента каждую неделю на регулярной встрече, которая будет организована по взаимному согласию.*

*2. Я обязуюсь соблюдать комендантский час и удаляться в свою спальню с полуночи до шести утра.*

*3. Я не имею права входить в восточное крыло поместья.*

*4. Я не имею права покидать поместье ни при каких обстоятельствах без специального разрешения.*

*Если я не выполню одно из условий, я понимаю, что это соглашение немедленно будет расторгнуто, и принимаю все вытекающие из этого последствия.*

Рен отчаянно надеялась, что недоумение и возмущение, которые заставили руку замереть, не отразились на лице. Комендантский час и запертые двери? Неужели и здесь с ней будут обращаться как с ребенком?

Она искоса взглянула на Лоури. Он откинулся на спинку стула и наблюдал за ней, высунув кончик языка.

– Что-то не так, мисс Сазерленд?

У нее вырвался тихий смешок.

– Прошу прощения, лорд Лоури, просто эти условия заставили меня почувствовать, словно вы мой опекун, а не работодатель.

Как и ожидалось, Лоури выглядел обиженным.

– Я понимаю ваше беспокойство. Юристы чрезвычайно, до безумия скрупулезны. Но, пожалуйста, пусть вас это не беспокоит. Если вы позволите объяснить несколько пунктов договора, я, возможно, развею ваши сомнения по поводу нашего соглашения.

Рен скрестила на груди руки.

– Хорошо.

– Я уверяю, что все это только ради вашей безопасности. Как я уже упоминал, этот дом древний. Из-за некоторых, скажем так... проблем со структурной целостностью я перекрыл доступ ко всему восточному крылу.

Она вспомнила, как было холодно на той стороне дома.

– Что там произошло?

– Несколько месяцев назад я попросил провести небольшой ремонт. Многие стены сделаны из цельного камня, что затрудняет установку электрических кабелей, и... – Он замолчал и махнул рукой. – Я уж не буду утомлять вас техническими подробностями. Пока инженеры работали, лестница рухнула и похоронила нескольких из них. Излишне говорить, что восточное крыло слишком опасно – и, кроме того, там слишком темно. После этого инцидента я приостановил ремонт, из-за чего в некоторых комнатах все еще газовые лампы. Боюсь, в том числе и в вашей. Я очень сожалею об этом.

– Ох, – тихо произнесла Рен.

– Что касается запрета на выход из поместья... Это отчасти из-за карантина, так как я бы не хотел, чтобы болезнь распространилась за пределы Колвик-Холла. Однако вы профес-

сионал, и, если вам понадобится уйти, я с радостью дам свое разрешение. Я просто хочу знать, когда вас ждать дома, на случай если мне понадобится послать за вами. В это время года можно умереть не моргнув и глазом.

– Это часто случается?

– О да. Всего несколько лет назад у нас был несчастный случай на одной из моих вечеринок. Вышел в метель, без обуви или чего-то еще. Бедняга. Упокой, Богиня, его душу.

Лоури говорил обо всем этом так безразлично. Сколько трагедий здесь произошло? Хотя действительно имело смысл быть осторожной, учитывая все обстоятельства, Рен все еще не могла избавиться от чувства неловкости из-за всех этих правил.

– А комендантский час?

– Ах, это. – Лоури робко улыбнулся. – Боюсь, у этого пункта нет рационального объяснения. Я почти не сплю, с тех пор как здесь распространилась болезнь. Любой шум будит меня. Надеюсь, вы позволите мне эту вольность. Если вас это утешит, его соблюдают все, даже я.

– Конечно. – Рен тяжело сглотнула, ломая голову в поисках чего-нибудь еще, к чему можно было бы придраться. Однако она была гостьей в его доме, и Лоури оказал ей огромную услугу. Самое меньшее, что она могла сделать, – это проглотить гордость и придерживаться его нелепых правил во время своего пребывания в поместье.

– Пожалуйста, скажите, могу ли я сделать что-нибудь еще, чтобы успокоить вас? – От беспокойства между его бровями залегла складка. – Я понимаю, что здесь может быть холодно и мрачно. Я хочу, чтобы вы чувствовали себя как можно более желанной гостьей.

– Нет-нет. Вы ответили на все мои невысказанные вопросы. – Рен выдавила улыбку. – Что касается хода лечения, я дам свою первую оценку состояния пациента...

– Генри, – подсказал он.

– Точно. Я дам свою первую оценку состояния Генри завтра. Мы можем встретиться за чашкой чая?

– Это будет идеально. – Лоури еще сильнее откинулся на спинку стула, убирая со лба кудри. Вот так, даже в пафосном наряде и при всем лоске, Рен могла видеть трещины в его маске. Он выглядел совершенно измученным – и было что-то еще. Что-то твердое, решительное и непоколебимое. Почти неистовое. – Повторюсь, я очень рад видеть вас здесь. Не думаю, что смогу выдержать хоть еще одну смерть.

Рен до боли хорошо понимала это чувство.

– Я постараюсь сделать все, чтобы этого не произошло.

– Благодарю вас, – хрипло произнес Лоури. – От всего черного и съездившегося сердца. Спасибо.

– Не стоит. – Ее взгляд вновь упал на договор. Хотя внутренности протестующе скрутило, что еще она могла сделать? Она написала внизу свое имя. Чернила отсвечивали красным в свете лампы.

Когда она подняла глаза, ей показалось, что голова оленя без глаз позади Лоури смотрела на нее. Рен поежилась. Она не была суеверной, но видеть, как за ней наблюдает столько смертей...

Это не предвещало ничего хорошего для выздоровления ее пациента.

В холле за дверью комнаты Рен пахло болезнью: отварами трав и затхлым воздухом. Ее тело ныло, а отяжелевшие глаза молили о сне, но целительная магия тянула к пациенту. Болезнь окутала дом, как погребальный покров, втиснувшись в каждую щель, напоминающую рану. Она была совершенно выбита из колеи, но, возможно, знакомые ритмы исцеления успокоят ее.

Она не могла избавиться от страха, который поселился под кожей, словно озноб, как только она отказалась от своей свободы по прихоти Алистера Лоури. Но это было совершенно

необоснованное беспокойство. Лоури был эксцентричным, как и предупреждал Бэзил. Осторожен, как и любой другой, ставший свидетелем стольких смертей.

Не то чтобы ей нужно было куда-то идти, особенно в такую бурю. Теперь она действительно началась, завывая и сотрясая окна, как привидение. За окном холла вид был сплошным кружащимся белым пятном.

Рен перекинула медицинскую сумку через плечо и направилась в комнату больного. С каждым шагом звук затрудненного дыхания становился все громче. Ее магия снова вспыхнула внутри, покалывая и обжигая кончики пальцев. У нее никогда не получалось сопротивляться стремлению исцелить, но это был новый вид голода. Какая бы болезнь ни поразила этого человека, она бушевала слишком долго. Еще несколько дней без лечения, скорее всего, убьют его. Дверь скрипнула, когда она осторожно открыла ее.

– Здравствуйте? Генри? – позвала она, надеясь, что не напугала его. – Я целитель, меня позвал лорд Лоури.

Но ответом была лишь тишина.

Единственная свеча, расплавленная до состояния лужи, горела во мраке, но тени упрямо цеплялись за углы, как пятна дыма. Кровать занимала почти всю комнату, ее белый балдахин был закрыт. У Рен создалось впечатление давно заброшенной комнаты, вся мебель была под чехлами. Из-за балдахина донесся влажный, лающий кашель.

Рен села на стул рядом с кроватью больного и отдернула занавеску. Мужчина лежал, завернувшись в простыни и опираясь на подушки. Хотя усталость делала ее вялой, она собрала магию и положила ладонь ему на грудь, чтобы оценить повреждения организма. Что могло уничтожить слуг за несколько недель?

Ее глаза привыкли к темноте. Постепенно вырисовывалось лицо больного. Черные волосы и смуглый цвет кожи. Властные черты лица. Слегка пухлые губы. Это был не тот величественный дворецкий, которого она себе представляла. Он был просто угрюмым молодым человеком. Просто...

Рен подавила вздох и отдернула руку.

Это был не простой слуга.

На постели больного беспокойно спал Хэл Кавендиш.

## 9

Хотя с их последней встречи прошли годы, она не смогла бы его с кем-то спутать. Это был он. Это Хэл. Хэл, которого считали пропавшим.

Но вот он, в этом поместье, лежит на кровати с балдахином. Рен резко встала, и скрип стула разбудил его. Со стоном он открыл глаза. Разум Рен помутнел от ужаса, стал такого же черного цвета, как глаза Кавендиша. Она уставилась на его грудь, стараясь не смотреть в глаза. Даже одной секунды, одного взгляда будет достаточно, чтобы ее сердце остановилось.

Нет-нет-нет. Это невозможно. Почему здесь оказался именно он?

Он – Жнец Весрии. Он – чудовище, он выше таких смертных вещей, как болезнь. Но все же он томится здесь, как любое существо из плоти и крови, страдающее лихорадкой. Заметив, как он дрожит, ей стало почти жалко его.

Когда страх превратился в ярость, в голову Рен без спроса проскользнула мысль: «Убей его».

Чернила уже высохли на контракте, который требовал, чтобы она исцелила его, рискуя всем, что старалась сохранить. На руках этого человека было слишком много крови, ее уже невозможно смыть. Убить его было бы так просто, так правильно. Она могла бы прямо сейчас перерезать ему сонную артерию и не задумываться о пустяковых последствиях разрыва контракта.

Рен никогда раньше не убивала. Ее клятва целителя запрещала это. Но она наблюдала, как ее друзья делали это снова и снова с грацией и безжалостностью волка, сворачивающего шею кролику. Избавление от Кавендиша стало бы актом милосердия, было так же свято, как исцеление. Погибнуть от рук врага было более почетно, чем умереть от лихорадки, как дикая собака.

Серебряная магия осветила ее ладони. Каждый незаслуженный вздох Хэла был хриплым.

Раз Уна хотела, чтобы она была безжалостной, она оправдает ее ожидания.

На противоположной стене Рен заметила свое отражение в старом зеркале, покрытом темными пятнами, похожими на плесень. Со взъерошенными волосами и ввалившимися глазами она выглядела изможденной, отчаявшейся и испуганной. Она была совсем не похожа на саму себя.

Что она делала? Она была целителем, и кроме того...

Вернулось смутное воспоминание о встрече с Изабель. *«Его жизнь принадлежит мне»*. Гнев Рен медленно остыл и уступил место осознанию. Она не могла убить Хэла, потому что королева хотела видеть его живым.

Рен ненавидела себя за внезапный прилив облегчения. Она ненавидела себя за то, что у нее не хватило сил осуществить задуманное. Возможность, которую ей предоставил Хэл, была почти идеальной. Королева никогда ничего так не хотела, как завладеть человеком, который переломил ход войны и запятнал ее правление.

Что, если Рен станет тем, кто приведет его к ней? Она уже воображала эту картину. Восхитительный разъяренный шок на лице тети, когда она разыграет свое драматическое возвращение. Переход к неохотному уважению. Все, за чем она сюда пришла – искупление, доказательство своего мастерства, повторное разрешение на расследование, – у нее будет это и даже больше. Ей не нужно тратить здесь время, подлизываясь к какому-то нерешительному дворянину, пока не утихнет буря. Все, что ей нужно сделать, – вызвать экипаж, чтобы вернуться домой, и вылечить Хэла от этой болезни, чтобы он не умер. С жутким решительным спокойствием Рен откинулась на спинку кресла у кровати. Ее колеблющаяся тень упала на Кавендиша.

Он искал ее глаза, и она испуганно вздохнула и отвела взгляд. Искоса она заметила, как Хэл смотрел на нее – с такой мольбой, что это нервировало. Он сказал что-то по-весриански,

чего она не смогла понять, так тихо и хрипло, как будто он не говорил неделями. Пределы собственных знаний расстраивали ее.

– Что ты сказал? – Она тщательно, обдуманно выговаривала каждое слово.

Уголок его губ изогнулся в легкой улыбке. С легкостью переключившись на другой язык, он пробормотал с акцентом, но на идеальном данийском.

– Я знаю тебя.

Конечно, он не мог запомнить ее после того единственного раза, когда она наблюдала за ним на передовой. Возможно, он видел ее портрет раньше, но учитывая, что она была исключена из линии наследования, она сомневалась, что у него были причины помнить ее имя и лицо. Рен знала, что не стоит потешаться над людьми, находящимися в муках заблуждения, но ее любопытство победило.

– Ты уверен?

– Ты здесь, чтобы закончить все это.

Разочарование захлестнуло Рен. Конечно, он не узнал ее. Он бредил, он посмотрел на нее и увидел Старуху.

– Нет. – Она осторожно убрала волосы с его лба, удивляясь нежности своего жеста. Это было странно красиво – даже прилипшая к его лицу от пота прядь. Черная и блестящая, как воронье перо. Под кончиками ее пальцев его кожа горела опасным огнем. – Ты не отделаешься так просто.

Выражение его лица напоминало погасшую свечу, совершенно побежденное. Неужели он действительно так хотел умереть?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.